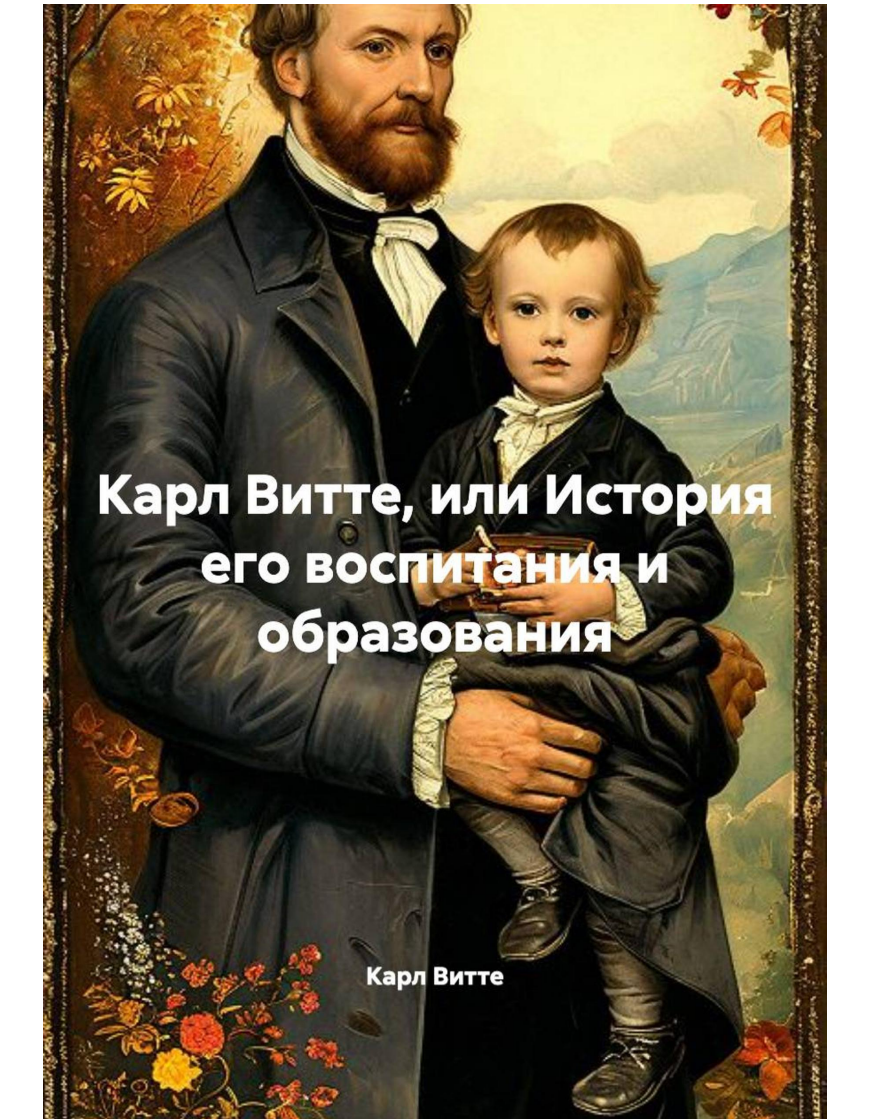


A detailed oil painting of a man with a full brown beard and mustache, wearing a dark blue coat over a white cravat. He is holding a young child with light brown hair, who is also wearing a dark coat and holding a small book. The background features a landscape with mountains and a body of water, framed by floral decorations on the left and right sides.

Карл Витте, или История его воспитания и образования

Карл Витте

Карл Витте

Карл Витте, или История его воспитания и образования

<https://litres.ru/74199239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга была написана двести лет назад по просьбе известного швейцарского педагога И. Г. Песталоцци немецким священником Карлом Витте (1767-1845). Поспорив со своими коллегами-педагогами, Витте попытался доказать, что в становлении выдающегося человека всё зависит от воспитания в первые 5-6 лет жизни. В качестве доказательства пастор воспитал выдающимся человеком своего сына; юный Витте уже в 14 лет стал доктором философии и юриспруденции – рекорд, непревзойденный до сих пор. По этой книге были воспитаны и многие другие выдающиеся люди. Например, методом Витте воспользовался математик Джеймс Томсон, который воспитал двух своих сыновей: Уильяма (получившего титул лорда Кельвина) и Джеймса, позже ставшего известным инженером, одним из основоположников термодинамики. Самый яркий пример воспитанного по методу Витте человека – создатель кибернетики Норберт Винер. Отец его был в восторге от книги Витте и Норберт уже в 18 лет получил учёную степень.

В Китае эта книга стала бестселлером.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	21
Глава 1. Для кого написана эта книга	21
Глава 2. Были ли у моего сына экстраординарные способности	33
Глава 3. Почему надеялся я на столь многое, получив так мало	40
Глава 4. Счастливо ли протекала моя воспитательная работа	50
Глава 5. Окончено ли воспитание моего сына	55
Глава 6. Каждый нормальный ребёнок может стать выдающимся человеком, если его воспитывать должным образом	58
Глава 7. Хотел ли я сделать из сына юного учёного	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Карл Витте

Карл Витте, или История его воспитания и образования

Предисловие

*Стыдно не быть великим,
Каждый им должен быть.*

Е. Евтушенко

Книга, которую держит в руках читатель, уникальна. Двести лет назад её по просьбе известного швейцарского педагога И. Г. Песталоцци составил для своих друзей и знакомых немецкий пастор Карл Витте. Поспорив со своими коллегами-педагогами, он попытался доказать, что в образовании человека всё зависит от воспитания в первые 5-6 лет жизни. В результате он вырастил выдающегося человека, уже в 14 лет ставшего доктором философии и юриспруденции. Работая над книгой, сельский пастор был уверен, что предлагает всем родителям и воспитателям волшебное руководство,

позволяющее не просто правильно вырастить любого ребёнка, но и сделать его выдающимся человеком, как сам он сделал выдающимся своего сына, также названного Карлом.

Однако спора Карл Витте не выиграл, так как его соратники заявили, что у человека, столь одарённого, как он, сын тоже должен быть умным. Следовательно, всему причиной выдающиеся задатки мальчика, а не искусство воспитателя-отца. В результате книга Витте не только не получила широкого распространения, но была подвергнута едва ли не остракизму и теперь пребывает в полном забвении. Не спасло ситуации и издание в начале XX века английского перевода этой книги.¹ Причем, что немаловажно, выдающихся успехов достиг не только сам Карл Витте-младший. По книге его отца были воспитаны и многие другие выдающиеся люди. Например, методом Витте воспользовался математик Джеймс Томсон, который воспитал таким образом двух своих сыновей: Уильяма (получившего титул лорда Кельвина) и Джеймса, позже ставшего известным инженером, одним из основоположников термодинамики. Но самый яркий пример воспитанного по методу Витте учёного – создатель кибернетики Норберт Винер. Отец его был в восторге от книги Витте и Норберт уже в трехлетнем возрасте мог говорить и читать на трех языках. Он поступил в один из колледжей Гарвардского университета в 10 лет, в 14 окончил его, а в 18

¹ Здесь любопытно отметить, что книга эта стала настоящим бестселлером в Китае.

получил учёную степень.

Таким образом, «забвение» этой книги в Европе – настоящая загадка, которую данная публикация, возможно, поможет раскрыть.

* * *

Автор книги Карл Генрих Готфрид Витте, которого принято называть Карл Витте-старший, родился 8 октября 1767 г. в Прицвальке (Бранденбург). Педагогике он учился сначала в Зальцведеле (Саксония-Анхальт), а затем в Берлине, в том числе у реформатора прусской образовательной системы доктора Фридриха Гедике (1754-1803) – немецкого богослова и педагога, который, благодаря произведенным им преобразованиям в устройстве гимназий, пользовался в своё время, особенно в Пруссии, большим влиянием. Его книги для чтения и хрестоматии были лучшими в своем роде и выдержали много переизданий. Сам Карл Витте впоследствии очень тепло отзывался об этом своём учителе. После окончания Берлинского университета Карл Витте поначалу занимался частной педагогической практикой. В 1795 г. был рукоположен в чин войскового священника, но уже в следующем году стал приходским священником в городке Лохау близ Галле (ныне в составе Шкопау).

В 1808 г. пастор Карл Витте оставил Лохау и отправился для дальнейшего образования сына сначала в Лейпциг, за-

тем в Гёттинген и сопровождал его вплоть до защиты Витте-младшим докторской диссертации, что произошло в 1814 г. Далее Витте-старший отправился с сыном в Берлин, где последний претендовал на преподавательскую должность в университете. Получив отказ, Витте-младший отправился продолжать своё образование в Италию, а его отец остался в Берлине и в 1819 г. опубликовал двухтомный труд, ныне впервые предлагаемый вниманию русского читателя.

Умер Карл Витте старший 1 августа 1845 г. в Берлине.

* * *

Иоганн Генрих Фридрих Карл Витте-младший – немецкий юрист, историк литературы и переводчик, занесённый в Книгу рекордов Гиннеса как самый юный доктор философии в истории – родился в 1800 году в Лохау. С раннего детства он воспитывался своим отцом с целью развития в нём необыкновенных способностей, и уже в 1808 г. демонстрировал незаурядное владение различными языками. К 10-летнему возрасту он не только прекрасно владел родным немецким, но и свободно говорил и читал на английском, французском и итальянском языках, а также знал древнегреческий и латынь. Витте-старший публично демонстрировал успехи сына, пропагандируя таким образом, как он сам полагал, приоритет воспитания над природными задатками. Европейская пресса активно освещала успехи «вун-

деркинда».

В 1810 г. юный Витте сдал в Лейпциге экзамен на аттестат зрелости и стал посещать Гёттингенский университет. Здесь в продолжение четырёх лет он изучал исторические, филологические, математические и философские науки, и в 1813 году появился латинский трактат тринадцатилетнего доктранта, на основании которого юный Витте 10 апреля 1814 года получил в Гиссенском университете степень доктора философии. В 1816-1817 гг. Витте добивался права читать лекции в Берлинском университете, на что ни профессорская коллегия, ни студенты, ввиду чрезвычайной молодости учёного, не согласились. После образовательной поездки в Италию, в ходе которой Витте занимался, главным образом, историей искусств и итальянской литературой, он вернулся в Германию и с 1821 года преподавал право в университете Бреслау, где в 1823 г. получил звание профессора. С 1834 года Карл Витте преподавал в Университете Галле, переместившись ближе к родному дому.

Юридические сочинения Витте сначала были посвящены преимущественно фундаментальному предмету – римскому праву. Затем он обратился к византийскому праву и много содействовал его изучению, признав за ним самостоятельное всемирно-историческое значение. В своих статьях он указывал на внутреннюю связь византийского права с историей права Западной Европы. Он обогатил отечественную науку изданием памятников византийского права и первый пролил

свет на значение основных его понятий. Написал также ряд работ и по прусскому праву.

Однако наибольшую известность Карл Витте приобрёл своими исследованиями в области итальянской литературы и главным образом – Данте. Совместно с Карлом Людвигом Каннегиссером он издал в 1840-х гг. комментированный перевод лирических песен Данте, а в 1862 г. вышло в свет его критическое издание оригинала «Божественной комедии» с метрическим переводом её на немецкий язык и с примечаниями. В 1866 году под протекторатом короля Иоганна Саксонского по инициативе Витте было создано Немецкое дантовское общество. По результатам трудов на этом поприще вышло двухтомное издание «Исследований Данте». Однако заслуга Витте-младшего перед литературой Германии заключается не только во всесторонних исследованиях творчества великого поэта эпохи Возрождения, он перевёл на немецкий и «Декамерон» Боккаччо.

Его наследие по истории искусства и литературы обширно. Он был весьма уважаемым исследователем и прожил долгую жизнь (умер 6 марта 1883 г. в Галле), но в историю вошёл всё же именно благодаря достижениям своего детства.

* * *

Витте-старший пишет в своей книге, что педагогическая наука существует уже сто лет, а потому пора бы дать ей ре-

альные плоды, чтобы она могла окончательно утвердиться в ранге настоящей науки. Говоря о столетнем периоде, пастор Витте прежде всего имел в виду французских просветителей и своих старших коллег из Швейцарии, где еще до Песталоцци существовала т. н. филантропическая школа, основанная Иоганном Базедовым. Его дочь Эмилия была настоящим вундеркиндом, в 3 года читала и писала по-немецки, в 4 – по-французски, в 4,5 – по латыни. Поставив целью образования воспитание гармонического человека, Базедов практиковал не только науки, но и закаливание, и развитие тела. До 12 лет он требовал слепого послушания, но достигаемого без суровости, с правильными наказаниями (лишение игр, сладкого и т. п.) и со щедрыми наградами. Изучение языков предполагалось только устное, письмо же и грамматика начинали преподаваться с 15 лет. Основной постулат методики Базедова гласил, что воспитание важнее обучения, поэтому большое внимание уделялось религии. Главный же принцип заключался в обучении с удовольствием, понемногу, но неуклонно.

Во многом следуя своему предшественнику, Песталоцци разработал целую систему элементарного образования. Вообще швейцарская педагогическая школа опиралась в основном на идеи французских просветителей и прежде всего на теоретические изыскания уроженца Женевы Жан Жака Руссо. Особенным вниманием пользовалась идея восприятия воспитания как основного средства совершенствования.

ния общества, признавалась важная роль воспитателя в формировании личности. Воспитатель должен был не изнеживать ребенка, а действовать «сообразно с естественным ходом развития детской природы». Например, Песталоцци в своих «Пожеланиях» призывал граждан Цюриха не считать губителем своих детей отца, который «не опутывает их свивальниками, не оглушает укачиванием в колыбели, не пичкает миндальным маслом, а предоставляет им уже с пелёнок подобающую свободу».⁴⁷

Подчеркивая важность воспитания, Песталоцци пишет: «Человек по своей природе, если ему предоставить вырасти дикарём, ленив, невежествен, неосторожен, непредусмотрителен, легкомыслен, легковверен, боязлив и безгранично жаден... хитер, коварен, недоверчив, склонен к насилию, дерзок, мстителен и жесток... Поэтому общество, чтобы человек имел для него некоторую ценность или был для него просто выносимым, должно сделать из него нечто совсем другое, чем он является по своей природе и чем он сделался бы, если бы он, предоставленный самому себе, вырос в диких условиях».²

Сам Песталоцци образно сравнивал искусство воспитателя с деятельностью садовника, который заботливо сажает и поливает растения, способствуя их произрастанию и признавая при этом, что источник их роста и цветения заключен

⁴⁷ Песталоцци. Сочинения в трех томах. Т. 1. С. 29.

² Т. 1. С. 604–605.

в них самих. Так же и воспитатель, по мнению Песталоцци, не способен вложить в человека какие бы то ни было силы и вдохнуть в них жизнь; он призван лишь позаботиться о том, чтобы беспрепятственно совершался естественный ход развития природных сил воспитанников.

Идея целенаправленного воспитания всё более завоёвывала умы передовой интеллигенции XVIII в. Замечательный французский философ Клод Адриан Гельвеций посвятил этому большую часть своих трудов. В сочинениях «Об уме», «О человеке» он отстаивал идею того, что всякий нормальный ребёнок, родившийся без каких-либо патологий, благодаря правильному воспитанию, может стать не просто успешным, но и вполне выдающимся человеком. Карл Витте-старший, подхватив эту идею и будучи абсолютно уверен в её истинности, хотел дать тому неопровержимые доказательства. Его швейцарский коллега и хороший знакомый Песталоцци, также ратовавший за создание педагогики как подлинной науки, основанной на всемерном наблюдении за развитием ребёнка, всемерно поддерживал своего немецкого коллегу.

Витте вслед за Песталоцци и другими гуманистами различал силы человеческой природы троякого рода: умственные, физические и нравственные. Но в отличие от Песталоцци, много внимания уделявшего трудовому воспитанию бедноты, в большей степени сконцентрировался на интеллектуальном воспитании человека, предназначенного не для ра-

боты на фабрике, а для науки. Объявив о том, чего именно он желает достигнуть в воспитании, ещё до рождения сына, он, казалось бы, не только исполнив, но и превзойдя свои обещания, дал всем прекрасное подтверждение истинности своих убеждений. Однако педагогическая наука до сего дня предпочитает обходить его смелый эксперимент стороной.

Основными высказанными и невысказанными аргументами противников Витте являются следующие.

Не всякий отец в состоянии выучить своего сына главным европейским языкам без значительных финансовых затрат, а прекрасное знание Карлом Витте-младшим пяти языков к 10-ти годам, является, без сомнения, одним из наиболее важных факторов его дальнейших успехов.

Не всякий отец способен, как Филипп Македонский, нанять для воспитания сына Аристотеля.

Да, это действительно так. Однако эти возражения никак не отменяют триумфа аргумента в пользу правильно построенного воспитания. Но тут в силу вступает фактор наличия природных задатков. Поскольку невозможно доказать, что мальчик не был одарён от рождения особой предрасположенностью к языкам, нельзя и утверждать, что он их так хорошо освоил только благодаря правильному воспитанию и образованию. Точно так же невозможно однозначно утверждать это и во всех остальных случаях успешного воспитания выдающихся людей, осуществлённых по системе пастора Карла Витте.

Немаловажное значение имеет и крайне негативное отношение к системе Витте такого государственного института как начальная и средняя школа, поскольку метод обучения немецкого пастора едва ли не полностью перечеркивает все основы школьного образования.

Не заинтересовано в распространении идей Витте и государство, о чём достаточно красноречиво сказано в приводимой нами в Приложении статье К. А. Гельвеция «О воспитании».

В настоящее время педагогическая наука, предлагающая порой едва ли не противоположные методики в деле воспитания детей, находится в настоящем кризисе. В то же время, не только на фоне глубокого кризиса школьного образования, но и благодаря огромным возможностям, предоставляемым современными техническими средствами для самообразования, сейчас всё более и более возрастает роль домашнего воспитания и образования. Поэтому обращение к книге пастора Карла Витте именно сейчас имеет немаловажное значение и может принести неоценимую пользу для всех, кому не безразлично будущее России.

* * *

Перевод выполнен по изданиям:

Karl Witte: oder Erziehungs- und Bildungsgeschichte desselben; ein Buch für Eltern und Erziehende. Herausgegeben

von dessen Vater, dem Prediger, Dr. Karl Witte. In 2 Bd. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1819.

The Education of Karl Witte or the training of the Child, edited, with an introduction, by Addington Bruce, translated from the German by Leo Wiener, professor of Slavic languages in Harvard University. New York, Tomas Y. Crowell Company Publishers, 1914.

При работе над переводом мы следовали английским коллегам, сто лет назад проделавшим скрупулезную работу по отделению существенного содержания книги Карла Витте от несущественного. Нашим читателям следует знать, что оригинальное издание немецкого пастора по содержанию вдвое превышает английский перевод. Столь существенные сокращения английского издания обусловлены различными причинами. Есть ряд очевидных излишеств. Например, оригинальная книга Витте содержала немалое количество считавшихся в те времена обязательными (своеобразными правилами хорошего научного тона) разделов, которые в глазах сегодняшнего широкого читателя не имеют никакого смысла. Например, сегодня для нас совершенно нет необходимости воспроизводить приведенное пастором Витте в начале книги пространное посвящение Его Королевскому Величеству Фридриху Вильгельму. Вслед за английским изданием нами не переведены вторая глава оригинального сочинения, которая называлась: «Что содержится в этой книге», и третья — «Почему эта книга не была написана ранее». Выпущен и до-

статочно большой раздел, в котором приведены письма Карла родителям, а также детские и юношеские стихотворения Карла; перевод их бессмыслен, ибо оценивать их должны люди свободно владеющие немецким.

Но есть и не столь очевидные сокращения, такие как большая подборка любопытных проявлений детского сознания Карла. Например, история о том, как, увидев плачущую у гроба знакомого мать, трехлетний Карл сказал: «Мама, не плачь, ведь папа ещё не умер». А потом, придя домой и увидев потухнувшую свечу, заметил: «Свет умер, как тот дядя». Или как-то раз гуляя по саду и услышав фразу: «Что-то сегодня холодно», Карл заметил: «Холодно бывает зимой, а сейчас лето, значит, надо говорить не холодно, а прохладно». Однако подобные примеры хорошо известны в нашей культуре по книге К. Чуковского «От двух до пяти» и другим произведениям. Они мало характеризуют отдельного ребёнка и ничего не добавляют к изучению проблем воспитания.

Другая большая купюра – подробное описание четырех дней занятий с четырехлетним мальчиком фонетическим разбором звуков немецкого языка. Подобный подробный фонетический разбор предлагается в любом учебнике иностранного языка, и потому не имеет смысла приводить его в книге, посвященной общим вопросам воспитания и образования, здесь достаточно лишь отметить, что такая тщательная работа с Карлом была проделана и ребёнком усвоена.

Выпущены главы о том, во что одевали маленького Карла,

как он подхватил инфекцию и т. п. Также сокращены многочисленные письма и свидетельства об исключительной образованности Карла, описание проблем, с которыми столкнулся отец при устройстве сына в университет. И вообще, сокращено всё окончание книги, посвященное подробному описанию учёбы в университете, приведены лишь краткие упоминания об изучаемых мальчиком предметах. Сокращены нами многочисленные биографические данные, которые могут быть изложены вкратце в предисловии, а также выпущен рассказ Витте старшего о том, что первый его сын, которого он также назвал Карлом, умер в младенчестве. Этому посвящено много трогательных страниц книги, поскольку для автора это оставалось непреходящей болью. Однако для нынешнего читателя вполне достаточно лишь упоминания об этом.

Во второй части книги выпущены главы о том, как вели себя супруги Витте во время беременности матери мальчика. Здесь достаточно лишь отметить, что сам Карл Витте едва ли не деспотически настаивал на активном образе жизни. Они много путешествовали, причём, много ходили пешком. Выпущены главы о проблемах при родах, о детских болезнях, о том, как купали младенца, во что одевали и чем кормили. Здесь достаточно упомянуть о том, что постоянно тщательно следили за чистотой тела (ежедневные купания) и теплотой и удобством одежды. Также из целой главы о сне детей достаточно привести лишь то, что «Карл всегда спал

столько, сколько хотел».

Основным аргументом в пользу принятия всех этих сокращений является то, что главная задача книги – максимально подробное и точное изложение сущности самой системы воспитания и образования Карла Витте. Нам сейчас важнее использовать дополнительный объем повествования, чтобы более обстоятельно вписать опыт Витте в русло последующих представлений о процессах воспитания и образования. Буквальное же следование первоначальному немецкому варианту не только чрезмерно увеличило бы объём издания, но и привнесло бы дополнительные трудности в процесс освоения системы Витте, являясь, к тому же, побочной для данного издания задачей. Бережное изучение и сохранение наследия замечательного немецкого педагога годятся, скорее, для серии «литературные памятники», нежели для руководства по воспитанию и образованию. Преследование главной цели этой книги и стало решающим аргументом в использовании при переводе английского издания, излагающего предмет исследования более адекватным языком. Однако это не означает, что мы слепо следовали по стопам английских коллег, полностью доверившись их профессиональному и человеческому долгу. Текст книги был сверен с немецким оригиналом и многие, на наш взгляд, неоправданные купюры текста Витте были восстановлены.

Например, мы почти полностью вернули главу пятую (в нашем издании – третья), в которой Витте рассказывает о

своей прежней воспитательной практике.

А также главу четырнадцатую (в нашем издании – одиннадцатую), в которой идёт речь о различии в воспитании и образовании Карла Витте от воспитания и образования двух известных в то время вундеркиндов. На две части книга разбита чисто условно, дабы отразить её оригинальное деление на два тома.

В заключение этого небольшого предисловия отметим лишь, что не всё в системе воспитания немецкого пастора является безупречным. В частности много упреков получал он от современников в том, что вырастил из сына человека-машину, поскольку вместо того, чтобы зачитываться любовными романами, как это делают все юноши, молодой Карл интересовался лишь необходимыми для познания книгами. Однако, скорее всего, это частность, имеющая отношение, прежде всего, к характеру самих Витте. Но даже и эта частность скорее утверждает великие возможности воспитания, чем отрицает их. Поэтому книга Карла Витте имеет воистину несомненную ценность.

В. Рохмистров

Часть первая

Доверь нас природе, но – чуткой рукой! направь!

Глава 1. Для кого написана эта книга

Возможно, кто-то решит, что я написал эту книгу специально для учителей и педагогов. Однако это заблуждение, так как сии господа, как правило, имея на то основания или нет, полагают себя моими противниками, а потому и писать мне для них незачем. Их упреки в мой адрес следующие. Я делал это не так, как они, а это плохо. Порой я поступал даже и вовсе наоборот, а это совсем плохо. И это потому, что люди начинают совершенно необоснованно спрашивать: «Эй, если Витте смог со своим сыном достичь такого и уверяет нас, что такие же результаты могут быть достигнуты с любым ребёнком, не обделенным природой, то почему наши учителя не делают так же?» Вряд ли можно найти более несправедливое требование. Однако я часто слышал подобные высказывания и мои последующие возражения на них чаще всего были бесплодными. Тем временем оскорбительные обвинения против порядочных учителей заставляют их быть раздражительными по отношению ко мне, воистину против своей воли ставшему причиной обвинений в их адрес. Вот до чего

дошло!

Этот мой труд должен отчетливо продемонстрировать, что школьный учитель, обладающий наилучшими намерениями, отличными знаниями и превосходными данными к профессии, вряд ли сможет измениться, потому что – как это часто бывает в случаях чрезвычайного прилежания – он до этого работал вопреки, он станет работать вопреки и теперь.

Школьный учитель и особенно воспитатель думают противоположно мне из высших соображений, во всяком случае, до тех пор, пока не познакомятся поближе со мной или – от меня самого либо от других – с моими ведущими убеждениями.

И потому я пишу для них лишь как для таких же отцов и матерей, которые искренне любят своих детей – или подопечных, – и благодаря этой своей горячей любви решились поближе ознакомиться с воспитательным экспериментом человека, который доставил им немало неприятных моментов.

И потому я пишу для них лишь только как для всех отцов и матерей, желающих получить наилучшие плоды в развитии тела, духа (сознания) и сердец своих детей. Многие родители, следовавшие моим рекомендациям, выражают в письмах или иным способом свою признательность мне и своё одобрение. Доказательства их благородных пожеланий частенько вызывают на моих глазах слезы. И я могу, точнее я должен сказать, что они тем самым очень часто помогают мне, и вы сами увидите это по моим запискам. Моя благодарность,

равно как и благодарность моей семьи, будет следовать за ними до могилы.

Многие из них настойчиво просят меня писать более просто, именно так, как я порой рассказываю это им или, иными словами, написать доходчивую историю моей системы для всего мира в том виде, в каком я объясняю её на словах. И когда они отвергли все мои возражения, которые я мог выставить, я был вынужден ручаться им своей честью, что когда-нибудь это сделаю.

Одним из моих самых аргументированных возражений было то, что некоторые озлобленные люди могут сказать: а есть ли действительная нужда в этой книге? На это мои друзья отвечали: Даже если так! Пусть господину Б. или господину Ц. это и не нужно – это нужно нам – напишите её для нас!

И я держу слово. Быть может, та польза, которую это может принести и, надеюсь, принесёт; или быть может, удовлетворение от достижения того, к чему я стремился, сильно поддерживают меня. Некоторые ценители могут осмеять мой достойный успех, могут со всех сторон раздаться дикие вопли о том, что всё это неоспоримое доказательство моего успеха лишь благие намерения. Будущее решит наш спор.

Я прекрасно знаю, что не все смогут преуспеть так, как я. Я также понимаю, что это не столь необходимо для всех детей – быть образованными так же, как мой сын. Но я убежден, что большее из того, что я сделал, может быть повторе-

но и разумное приложение моего метода принесёт немалую пользу.

<...>

Так же думали и говорят очень многие среди наших учителей и воспитателей (в строгом смысле слова), такие как Занф, Шерве, Зампе, Зальцман, Оливье, Тиллих, Гутсмуц, Ладомус, Зереннер, Ленц, Леопольд и т. д., равно как и многие другие, ставшие благодаря этому моими настоящими друзьями, поскольку их весьма интересовал мой опыт; все они также продолжают – и поддерживают – активное участие в моих идеях; и все они уверены, что это нуждается в публичном объяснении.

Тем, что я делаю, очень рано заинтересовался Песталоцци³, и он своим ясным видением и теплым непредвзятым умом смог предвидеть не только цвет, но и плод в том, что было ещё крошечным бутоном. И наблюдая за тем, что я делаю, он выразил свое отношение и немалую симпатию к этому в следующем письме:

Дорогой высокочтимый друг!

Позвольте мне, пока Вы еще пребываете по соседству с нами, ещё раз сказать Вам, насколько я заинтересован Вашим методом воспитания, по которому Вы занимаетесь со своим ребёнком, и насколько я нахожу свои педагогические идеи

³ Песталоцци Иоганн Генрих (1746-1827) – швейцарский педагог, основатель теории начального обучения, связывающего педагогику с психологией. Предложил ряд новых идей по объединению обучения и трудового воспитания.

в сущности на Ваши похожими. Позвольте мне сказать и больше: я порой опасюсь, что мои рубрики: форма, число и слово, равно как и весь внешний вид моих элементарных книг⁴, на первый взгляд очень могут показаться всего лишь действием безыскусной природы, наивернейшим образом корректирующей формы общечеловеческого здравого смысла. Но на самом деле это только кажимость, которая зиждется на том, что в целом исполнение нашей деятельности несомненно схоже с любым другим образовательным методом, в котором находят свое чистое выражение опыт способного к непосредственным наблюдениям отца и

⁴ Имеются в виду следующие пособия для первоначального обучения: «Книга матерей, или Руководство для матерей, как учить их детей наблюдать и говорить» («Buch der Mutter oder Anleitung für Mutter ihre Kinder bemerken und reden zu lehren», 1803); «Азбука наглядности, или Наглядное учение об измерении» в трех частях («ABC der Anschauung oder Anschauungslehre der Maßverhältnisse», 1803); «Наглядное учение о числе» в двух частях («Anschauungslehre der Zahlenverhältnisse», 1803-1804). Эти книги вскоре после их выхода были переведены на ряд европейских языков, на русский язык их перевёл учитель поэта В. Жуковского Ф. Г. Покровский. В России вышли: «Книга для матерей...» и три книги «Очевидного учения о содержании чисел», а в 1806 г. и «Азбука очевидности, или очевидное учение о содержании чисел» в 1807 г. Предложенное Песталоцци элементарное образование подразумевает такую организацию обучения, при которой в объектах познания и деятельности выделяются простейшие элементы, что позволяет постоянно двигаться от простого ко все более сложному, доводя знания детей до возможного совершенства. Педагог выделяет следующие простейшие элементы познавательной деятельности: число (простейший элемент числа – единица), форма (простейший элемент формы – линия), названия предметов, обозначенные с помощью слов (простейший элемент слова – звук) и т. д.

подлинная любовь матери. Что с того, что этот опыт не виден в мертвых столах и нагромождениях бесконечных изданий? Он и не может появиться там! Но если Крюзи⁵, ведомый этими идеями, становится совершенным ребёнком для детского сознания, и ребёнок находит себя в каждом слове Крюзи, и во имя его воспитательного метода и должен находить себя там, как должен находиться себя в самых простейших словах своей матери, чья разумность стала ему ясна благодаря тысячекратному опыту – тогда наша реальная деятельность воистину есть нечто совершенно отличающееся от того, чем может показаться на поверхностный обманчивый взгляд. Верно и то, мой друг, что Вы видели лучшие, чем кто-либо иной, хотя бы уже потому, что по сути работали в том же самом духе. Вы не знали этого, но в основании Вашей деятельности лежат те же зрелые естественные чувства, на которых после бесконечных поисков развиваются и мои педагогические правила.

Друг мой! Ваше дело чрезвычайно важно для меня. В настоящее время мы больше, чем в чём-либо другом, нуждаемся в том, чтобы труд воспитания поверить зрелым опытом, и это именно тот опыт, который может стать могучим подтверждением взглядов, вытекающих из моей собственной методики. В этих обстоятельствах Вы, мой друг, должны

⁵ Герман Крюзи (1775-1844) – швейцарский педагог и поэт, автор биографических книг о Песталоцци и о себе, а также руководства для учителей по рисунку.

чувствовать, как важно для меня продолжение Ваших педагогических опытов и, по возможности, расширение их. Друг мой! Вы уже призваны к исполнению своего поприща и помимо моих желаний; позвольте же мне также присоединить и мои желания к ожиданиям Ваших ближайших друзей, и не отказывайтесь, пожалуйста, от этой, оказавшейся теперь в Ваших руках, возможности. Такие люди, как Вы, которые своей проникательностью схватывают всё, что предоставляется их сознанию и которые способны постоянно действовать в согласии с тем, что осознали, связывая воедино суть человеческой природы и обстоятельства человеческой жизни, могут сделать многое. Я вполне осознанно числю Вас среди людей такого сорта и всегда радуюсь в предчувствии возможности услышать от Вас о новых успехах в Ваших экспериментах со всей той откровенностью и точностью, что отличали Вас на протяжении тех счастливых часов, кои я провел с Вами в обсуждении нашего предмета.

Удачи в пути, дружнице! по нашим горам, и позвольте уверить Вас в моей неизменной к Вам

симпатии.

Ваш любящий друг Песталоцци⁶

1804, август.

Он оставался в своем убеждении все эти 14 лет, а затем понуждал меня в частной беседе написать историю воспитания и образования моего сына настолько подробно, насколько это вообще можно сделать. На этом же настаивали его друзья, а также хорошо известный французский учёный Жульен Парижский⁷. Они доблестно встретили все мои возражения, которые по большей мере происходили от моей скромности, и Песталоцци написал мне в самый день моего отъезда из Ивердона следующее:

*Дорогой г-н Витте, Вы, конечно же, помните
те беседы о педагогике, которые мы вели с*

⁶ Здесь любопытно привести строки из дневника Песталоцци от 15 февраля 1774 г. «В свободной аудитории природы ты поведешь за руку своего сына, ты будешь учить его в горах и долинах... Но в эти часы свободы природа да будет более учителем, чем ты... Пусть он почувствует это, почувствует до конца, что здесь учит природа. Ты же должен со своим искусством тихо, почти крадучись следовать за природой. Когда птица очаровательно щебечет, и когда червяк, только что появившийся на свет, ползет по листу, прекрати упражнение в языке. Птица учит и червяк учит больше и лучше. Молчи!». (Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения в 3-х тт. М.: Издательство Академии педагогических наук СССР, 1961. Т. 1. С. 117).

⁷ Марк-Антуан Жульен Парижский (1775-1848) – основоположник сравнительной педагогики. Впервые поставил вопрос об изучении международного опыта развития образования как особом направлении научных исследований. Активный участник Великой французской революции, сторонник Робеспьера, видный публицист.

Вами 14 лет назад на берегу Бухзее. Тогда вы подали нам надежду, что благодаря Вашим собственным принципам сделаете Вашего сына более чем обыкновенным человеком. Ныне обещанное Вами выдающееся достижение далеко превзошло то, что Вы тогда обещали нам.

Вопрос теперь стоит так: в какой мере это достижение произошло именно благодаря Вашему искусству, или в какой мере стало оно причиной этого? Вопрос в том, в какой мере это достижение является чистым следствием его выдающихся талантов, или в какой мере это результат принципов образования и средств, каковы в приложении к другим детям могут дать в конечном итоге более менее близкий результат? Дорогой г-н Витте, дабы Ваши друзья по воспитательной работе смогли, наконец, определиться в этом вопросе с определённой уверенностью, Вам следовало бы в подробных деталях, входя во все частности именно Вашего собственного руководства, описать тот путь, которым Вы шаг за шагом вели Вашего сына. В удивительных способностях Вашего сына сомневаться невозможно. Но в какой мере в их развитии участвовали Ваши педагогические способности и умения, как они смогли раскрыть и развить их – это можно сделать только в подробнейшей истории с полным описанием Вашей методы. Дорогой господин Витте! Это очень важно сделать и это воистину тот труд, которому не жаль посвятить своё время.

*Всего Вам хорошего, дорогой господин Витте! И
будьте уверены в моем высшем к Вам расположении,
которое позволяет мне иметь честь называть себя
Вашим покорнейшим слугой и другом.*

Песталоцци.

Ивердон, 4 сентября, 1817

Крюзи и Нидерер (позднее также Тоблер)⁸ и тогда и теперь тоже просили меня сердечно и неотступно. И я имел честь им говорить, что несмотря на злословие глупцов и недоброжелателей – при первой же возможности! – напишу книгу для отцов и матерей.

Ко всем этим и подобным требованиям добавлю здесь лишь ещё одно мнение, которое хотя и столь же дружественно поощряет, но ещё и касается непосредственно того, чего я боялся, а потому не могу им пренебречь.

Я имею в виду замечательного пастора и профессора Гесснера (моего ныне покойного друга, зятя Лафатера⁹), который равно достоин почтения как пастор, как человек и как воспитатель. Этот учёный человек выразил желание получить краткое описание достижений моего сына, что я и предоставил ему (Гесснеру). Он вернул мне страничку со

⁸ Швейцарские педагоги Йохан Нидерер (1779-1843) и Георг Тоблер (1770-1843).

⁹ Иоганн Каспар Лафатер (1741-1801) – известный швейцарский писатель, богослов и поэт, трагически погиб, пытаясь остановить французского мародера. Профессор Гесснер, потомок широко известного швейцарского учёного-энциклопедиста Конрада Гесснера (1516-1565); издал собрание сочинений Лафатера.

следующим письмом, ещё раз повторив то, что часто говорил устно, уже запечатленное в сердце. Вот это письмо:

Чрезвычайно обязан Вам за предоставление мне этой в высшей степени замечательной странички. Весьма поражает тот труд, который продемонстрировал юноша. Счастливый отец! сын которого, о чём так же не следует забывать, обладает столь выдающимися дарованиями (такими же был вооружен некогда проделавший выдающийся путь Петрарка), которые позволили завершить сей труд столь уверенно и быстро – пройти путь, на котором Ваше понимание души, Ваша проницательность и Ваша высочайшая простота смогли достигнуть такого. О, Вы очень скоро узнаете, опубликовав описание Вашего метода, в каком положении окажутся многие отцы, которые не смогут достичь того же успеха, какого посчастливилось достичь Вам. Ведь для того, чтобы достичь некоего поразительного развития, исходное должно быть в сравнении с ним почти таким же.

Ни один мудрый человек не может остаться равнодушным и ещё менее станет предвзято отрицать – но сами вещи, как само простое величие, встают в противоречие; как сама истина, выражают протест – и, радуйтесь! Как всё доказанное побеждает и неоспоримо проглядывает сквозь всякое человеческое создание, так и психолог отступает перед экзаменом природы. Опыт и время также должны это доказывать, и тот, кто выносит окончательный

приговор без экзамена, не истинный мудрец.

Со смиренным и благоговейным почтением

Г. Гесснер, пастор и профессор

Цюрих, 16 июля 1817 г.

Я привожу здесь это для того, чтобы быть полностью откровенным!

Поскольку, быть может, учёные глупцы начнут меня презирать, если я ограничусь описанием лишь того, что приносит мне пользу.

Что меня меньше всего заботят такие люди как Меркель, А. Г. Эберхард и им подобные, само собой понятно. Они, конечно же, станут, как и до этого, тайно или явно, меня очернять. Но что же, мне больше не выходить на улицу, если там могут освистать бесстыдные пацаны? Или не вешать картину в своей комнате, поскольку её может испачкать жирная муха? – Все это чушь!

Всех же педагогов, учителей и воспитателей, которые желают прочесть мой труд с дружественными и добрыми намерениями заранее уверяю в своем благодарнейшем почтении.

<...>

Глава 2. Были ли у моего сына экстраординарные способности

Мне говорили об этом сотни раз, и пусть это так и останется, ибо, конечно, приятно иметь возможность говорить, что кто-то особо предпочитаем Богом или обладает способностями, позволяющими ему делать то, чего не могут другие. Но если говорить правду, случай с моим сыном совсем не тот.

Я повторял это более чем тысячу раз, и должен сказать снова, что большинство моих друзей и знакомых мне не верили, и только один человек, пастор Глобиц, который близко знал меня с детства и который с 1788 и по свою смерть был моим ближайшим другом, обычно говорил:

– Я убежден, что у Карла не было никаких выдающихся способностей, и я не из тех, кто смотрит на его прогресс как на чудо. Напротив. Я говорю себе, тебе и всем, кто хочет слышать, что способности у него были самые средние, и не его задатки помогли ему стать тем, кто он есть, а только твоё воспитание. Я знал твои планы воспитания и твою методу – они всё равно должны были преуспеть, если бы только Господь не захотел иного.

Незадолго до рождения сына в Магдебургских школах (монастыри Либенфрауен, Берген и Домшуле) появилось несколько учителей удивительных способностей. Некоторые

из этих молодых людей впоследствии стали по соседству священниками и оставались друзьями своих альма матер. Они образовали замечательный кружок, который занимался самым ревностным образом наипрекраснейшим делом – воспитанием. К ним присоединился мой друг Глобиц, и через него-то я и стал посещать этот кружок так часто, как мне позволяли мои обязанности.

Кроме всего прочего там шла речь о том, что учителя и воспитатели, действуя из наилучших побуждений, порой достигают очень малого, потому что придают, на мой взгляд, слишком большое значение природным задаткам людей. Мой же опыт убеждал меня в обратном. Я был уверен: природные задатки имеют гораздо меньшее значение, чем воспитание в первые пять-шесть лет жизни ребёнка. Конечно, способности у всех очень разные, но, как правило, при тех способностях, с которыми рождается большинство людей, от воспитания, верил я, зависит гораздо больше, чем принято считать. И чтобы заручиться поддержкой великого авторитета, я каждый раз цитировал утверждение Гельвеция: *chaque homme communement bien organise peut devenir grand homme, suppose qu'il soit eleve comme il faut.*¹⁰

Но все были против меня. И когда г-н Шрадер возвращался со мной и Глобицем домой, мы всё ещё продолжали об-

¹⁰ «Каждый вполне здоровый человек может стать великим, если будет развиваться как должно» – фр. Афоризм знаменитого французского философа Клода Адриана Гельвеция (1715-1771). Более известно другое его изречение на эту тему: «Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть».

суждать это, и я всё повторял то же, что говорил и перед всем собранием, а затем сказал следующее:

– Теперь следует мне, конечно же, умолкнуть, поскольку против меня вас 13 и даже 14 человек. Но я надеюсь доказать вам на деле, что я прав. Если Бог дарует мне сына, и если он – по вашему мнению – не окажется тупицей, что уж, конечно, зависит только от небес – то я, как давно уже решил, воспитаю его выдающимся человеком вне зависимости от того, какие у него способности!

Они поймали меня на слове. Глобиц только заметил при этом, что он вполне согласен с моими взглядами и попытался убедить Шрадера, что слово своё я, конечно же, сдержу. Хотя потом в беседе с друзьями он не раз говорил, что всё это всё равно невозможно.

Вскоре после этого Шрадер узнал от Глобица, что у жены моей родился сын. Он сообщил об этом друзьям и они все пришли посмотреть на меня и на моего мальчика. И каждый раз, когда я приезжал в эту часть страны или Глобиц появлялся у меня, они расспрашивали о положении дел и дотошно выпытывали, подаёт ли малыш какие-либо надежды на исполнение данного мной обещания.

Когда Карлу было от 4-х до 5-ти лет, я взял его с собой в Малый Оттерслебен¹¹. Его увидел Шрадер, и мальчик очень ему понравился. И хотя он чувствовал, что никаких выдающихся способностей у Карла нет, но почему-то уже был уве-

¹¹ Деревня неподалёку от Магдебурга.

рен, что я преуспею в своём обещании. Так продолжалось до 1810 года, и с каждым годом Шрадер убеждался всё больше и больше в том, что всё у меня получится, что и выразил потом в письме ко мне. Письмо это более значительно и резко ещё и потому, что его личные наблюдения дополнились информацией от меня и моих ближайших друзей, убедивших его окончательно в том, что моё обещание, в котором он поначалу столь сомневался, выполнено. Но от своих сомнений он отказаться так и не смог, навсегда оставшись моим оппонентом. Поэтому его искреннее признание самого факта делает честь его уму и сердцу, несмотря на то, что он продолжал твердить о том, что всё это невозможно. Вот его собственные слова:

«Лангенведдинген, 3 июня 1810.

Глубокоуважаемый друг, Вы сдержали слово! Ваш Карл стал – и даже более чем стал – тем, кем Вы обещали его сделать перед его рождением! Когда десять лет назад Вы в упоении заявили мне в присутствии нашего ушедшего в вечность друга Глобница, что питаете надежду стать отцом и что искренне желаете стать отцом здорового сына, а потом добавили незабываемые слова: «Если мой сын будет физически здоров, я намерен воспитать его так, чтобы он стал выдающимся человеком», тогда я возразил, что успех Вашего замечательного плана зависит не только от здоровья ожидаемого Вами мальчика, но гораздо больше от

счастливого сочетания его природных задатков. На это Вы ответили фразой Гельвеция: *chaque homme communement bien organise peut devenir grand homme, suppose qu'il soit eleve comme il faut.* Я долго не верил в это, но как-то Глобиц сообщил мне, что за самое короткое время Вы уже превратили одного мальчика из Швейцарии, которого его прежние учителя считали едва ли не за тупицу, в человека значительно более чем среднего ума. Я обещал Вам, что отложу вынесение своего суждения до тех пор, пока когда-либо лично не познакомлюсь с Вашим сыном, что станет моим решением за или против Вашего метода. И вот он, Ваш мальчик, передо мною. Человеческая зрелость сочетается в нём с детской невинностью и божественным началом, являя собой редкий союз – очаровательная картина гуманизма! О, приведите меня в помещение, наполненное подобными людьми, и я решу, что перенесся с земли в компанию высших духов.

Да, мой друг! Вы не только исполнили обещание, Вы сделали больше обещанного. И я чувствую необходимость заявить об этом письменно, дабы воздать Вам должную справедливость! И все-таки блестящая в своём успехе Ваша метода не будет способна убедить педагогов в истине вашей теории. Со всех сторон послышится: «Как счастлив отец, у которого родился такой сын!» Успехи сына припишут природе и природным данным, а не искусству отца. И, признаюсь Вам, я сам из тех, кто говорит: «Если Карл не был бы так счастливо одарен природой, он

никогда не стал бы тем, кем стал!» Я знаю, что Вы без сомнения много им занимались, знаю Вашу власть, терпение, твердую настойчивость, с которой добивались Вы исполнения задуманного. Знаю, что мальчик был тем, вокруг чего вертелась вся Ваша жизнь со всеми Вашими талантами, знаю, как умело Вы сочетали всё – беседы и молчание, приходы и уходы, работу и отдых – всё, что окружало мальчика, всё, что имело хотя бы отдаленное значение для него и для Вашей цели. Знаю, что Вы годами работали непрерывно, неустойчиво, отдавая этому все Ваши способности и живость. Кроме того, я знаю ту власть, которую Вы имеете над собеседниками – и всё-таки, несмотря на всё это, я не могу согласиться с Вашей педагогической методой.

Не только очень трудно, но воистину практически невозможно гармонизировать части природы и искусства в воспитании человека, поскольку в процессе воспитания они находятся в глубоком противоречии друг с другом. Вы всегда будете искать доказательства тому, что Вы воспитали таким выдающимся человеком просто здорового, а не выдающихся способностей мальчика исключительно средствами искусства. Тем не менее, Ваш эксперимент во всех отношениях останется удивительным и важным для педагогики, а детальное описание Вашего метода станет ценным даром для общества. Разумеется, надо быть пастором Витте, чтобы воспользоваться этим методом воспитания, и потому

должен предупредить Вас, что у Вас найдется мало последователей.

Шрадер,

Священник в Ланденведдингене неподалеку от Магдебурга.

Пожалуй, нельзя более отчетливо выразить то, что я к этому моменту уже достиг цели, к которой стремился изначально. [В то время как ничто не предвещало этого.]

<...>

[Карл родился 1 июля в 3 часа по полудни в четверг 1800 года в Лохау, в двух часах езды от Галле. По свидетельству всех моих родственников, друзей и знакомых он представлял собой гораздо более беспомощное существо при рождении, чем наш умерший в младенчестве первенец. Жена, перед печальными очами которой всё ещё витал призрак того идеально сложенного малыша, лишь горько заметила мне, что ничего у меня не выйдет, ибо как бы я ни старался, из этого малыша со сморщенным личиком ничего кроме посредственности вырасти не может. Я же не терял надежды и молил Бога лишь о том, чтобы малыш не был умственно отсталым.]

Всё это продолжалось едва ли не до четырёх лет. Рассудок Карла развивался медленно, т. е. совершенно незаметно для окружающих. Однако, как отмечали все вокруг, умственно отсталым он также не был.]¹²

¹² Здесь и далее в квадратных скобках даётся краткий пересказ существенных деталей из излишне растянутых кусков повествования оригинала.

Глава 3. Почему надеялся я на столь многое, получив так мало

Дело действительно обстояло именно таким образом, но моя надежда на успех зиждилась на разумном основании. Я знал многочисленные примеры того, как портятся человеческие существа при неверном воспитании, а при правильном – делаются лучше. Приведённое далее рассмотрение является для ясного понимания моей книги чрезвычайно важным. Для этого мне необходимо сделать довольно большое отступление, в котором я обращусь к рассказу о моей прежней жизни, и очень прошу прочитать это.

Я сам был в свои двенадцать лет телом, духом и душой настолько испорчен, что мне теперь порой даже трудно понять, как после всего этого я смог стать тем, кем стал.

Подобных примеров я встречал немало среди друзей и знакомых, хотя, возможно, и не в такой степени.

Когда я сам начал преподавать, то не раз поражался тому, как вдруг порой расцветают спящие духовные силы.

Уже в четырнадцать лет в Зальцведеле я непроизвольно наблюдал за некоторыми моими однокашниками и изучал их. Наблюдал я и за учителями и отмечал, как их противоположности: способный – неспособный, учёный – неучёный, добросердечный – плохой, приносят совершенно разные результаты. И это прояснило мне очень многое.

После я прибыл в Берлин к Гедике. Казалось, что он преподаёт, прилагая намного меньше усилий, чем его ближайшие коллеги, работавшие бесконечно много. Какой-нибудь один ответ на заданный вопрос, одно его наставление, одна поучительная шутка часто воспламеняли спящую искру и раздували её в настоящее пламя. Остальных же нужно было только ежедневно слушать и – учить.

Через месяц Гедике направил меня вести занятия в школу, которой заведовала его сестра. Я при этом ходил с перепугу по струночке, поскольку мне пришлось преподавать историю одиннадцати-тринадцатилетним девочкам. Гедике стал подсмеиваться надо мной, и был совершенно прав. Но как только я обрёл на занятиях более свободные тон и речь, он тотчас выразил мне свое одобрение.

Девочки слушали меня вполне охотно, и мне выделили больше часов для занятий. В результате приходилось всё больше заниматься самому, так как мои ученицы учили всё очень легко и быстро. И я был счастлив этим. Также я был весьма рад, что мне довелось заниматься с дочерью Кауфманна Д. и сыном профессора Боитуса. Все три способа обучения были совершенно отличны друг от друга, а я хотел свести их все в одно собственное искусство преподавания. И прежде всего выяснилось, что даже тугодумов можно исправить, если только вовремя начать.

Через некоторое время мне довелось стать в Галле учителем и со-воспитателем дочерей умершего главы городско-

го совета Гольдхагена. Здесь мне также пришлось несколько модифицировать своё преподавательское искусство. Таким образом, за три года я получил превосходный опыт.

Ещё будучи в Берлине, я улучшал время для поездок по стране, чтобы пополнять свои знания в школьной и воспитательной работе. А в Галле я стал заниматься этим ещё более активно и близко познакомился с такими людьми как Зальцманн, Кампе, Трапп, Рохов, (Бекер) и т. д. Я обсуждал с ними их методы, высказывал свои соображения и знакомился с их теориями.

Наконец, меня пригласили в одно семейство в итальянской Швейцарии для воспитания старшего сына и наследника дома фон Салис по имени Геркулес. Я отправился через Росток, Гамбург, Дюссельдорф, пересек Рейн, посетил Пфеффеля и вскоре после этого познакомился с Песталоцци и очень полюбил его «Лингарда и Гертруду»¹³. Все четыре части этой книги, несмотря на свой скромный подзаголовок «для (отцов и) матерей», имеют на самом деле гораздо более важное значение. Сам Песталоцци не стал бы меня разубеждать в этом.

Геркулес фон Салис оказался чрезвычайно развращённым мальчиком для своих семи лет. Его отец был ипохондриком настолько, что его вполне можно было бы назвать

¹³ «Лингард и Гертруда» – социально-педагогический роман Песталоцци, первая часть которого вышла в 1781, вторая – в 1783, третья – в 1785 и четвертая в 1787. Сам Песталоцци считал этот роман лучшим своим произведением.

меланхоликом. Мать была довольно легкомысленной и имела весьма туманные представления о том, чем занят сын. Вообще о Геркулесе она заботилась мало, поскольку у неё было пятеро детей и ожидался шестой.

Его бабушка, женщина весьма сдержанная, сказала мне: «Я мало в этом понимаю, но чувствую, что если в ближайшее время у Геркулеса не появится воспитатель, мы потеряем мальчика!».

Дедушка и вообще не имел склонности к воспитанию, поскольку любил внука безмерно, баловал его, а главное – учил вещам, о которых мальчику вообще лучше было бы не знать, дабы сохранить сердце в чистоте.

В общем, достался мне маленький, болезненный, бледный, пузатый, лукавый пузырь, не имевший не только ума, но даже какого-либо понимания, ни желания учиться чему-либо, да ещё и полный страха передо мной, его учителем, ибо его дед весь последний месяц, если хотел чем-либо пригрозить, говорил ему:

– Вот, подожди, придет господин Витте, он тебе задаст перцу!

Вдобавок ко всем этим прелестям малыш ни слова не понимал ни по-немецки, ни по-французски, по-итальянски же выражался весьма вульгарно. Он набрался всего этого от слуги, с которым общался постоянно и любил разговаривать на всякой тарабарщине.

Поэтому я поначалу почти совсем не понимал, о чём он

говорит, а мальчик понимал меня и того меньше.

Однако наибольшим злом было то, что Геркулес верховодил над своими младшими сестрами и помыкал бедным чужим малышом, которого его дед привёл ему в товарищи для игр и который не имел никакой возможности ни ответить на обиду, ни даже, если бы и набрался храбрости, пожаловаться.

Найдя мальчика во всех отношениях испорченным, я сказал, что в первые три дня ничего не буду делать, но только – наблюдать.

Затем я добился у его родителей и бабушки с дедушкой согласия на беспрекословное послушание и на полное их позволение мне действовать с мальчиком таким образом, словно я его настоящий отец.

Едва только Геркулес просыпался, он должен был тотчас покинуть постель; и я караулил этот момент, читая какую-нибудь книгу. До этого мальчик обычно проснувшись оставался валяться в постели еще час. Он ел там, пил, скукал, тянул время, и всё это совершенно непонятно чего ради. – Ах, какой невыразимый вред приносит это валяние в постели.

Раньше слуга ни на чём не настаивал, иначе ему за это попадало. Мальчик почти никогда не умывался. Теперь я помогал ему одеваться, но – с каждым днём всё меньше, ибо вскоре ему следовало делать это самому. Я каждое утро мыл с мылом рядом с ним лицо, полностью руки и шею, и при

этом объяснял ему большую пользу и необходимость этого. Он очень скоро начал следовать мне в этом и стал чувствовать себя значительно лучше.

Семейный завтрак представлял собой способ принятия пищи, при котором сидящий рядом с дедушкой Геркулес обыкновенно ел чересчур много. Теперь же он должен был сидеть рядом со мной и съедать только то, что необходимо. Через два три дня он и сам стал чувствовать, что вполне сыт.

Сразу после завтрака, если погода позволяла, мы выходили из дома и шли так далеко, насколько только он был в состоянии. В пути я развлекал его, стараясь, чтобы прогулка была нетяжелой и приятной. И таким образом я со временем достиг того, что мы стали совершать с ним очень продолжительные прогулки.

Ранее он не пил ничего, кроме вина и кофе, изредка чай. Теперь же он не пил почти ничего, кроме чистой воды.

В обед, на котором подавали до десяти блюд, он съедал не более двух и притом наиболее простых.

После обеда мы снова выходили из дома и опять шли так далеко, как только он мог. Если же было очень жарко, обычно ждали вечера и возвращались домой только к ночи.

Мы с ним обсуждали всё, что встречалось нам на пути. Вскоре я стал увлекать с нами на прогулку его сестру Луизу, которая была моложе примерно на год, потом кузена Мара, и мы все вчетвером прекрасно развлекали друг друга. К нам всё чаще стал присоединяться отец, который таким образом

избавившись от ипохондрии, оказался очень светлым человеком.

Когда мы вечером возвращались домой, я занимал их до еды или раскладыванием растений, или упаковкой минералов, или разглядыванием картин, или рассказыванием поучительных историй, или чтением забавных анекдотов. И за ужином Геркулес съедал из пяти подаваемых блюд лишь одно, поскольку был уже достаточно уставшим, и ему хотелось пойти спать.

Этот образ жизни быстро привязал ребёнка ко мне, поскольку он совсем избавился от скуки и чувствовал себя постоянно здоровым и веселым, а очень скоро и значительно более сильным. И поскольку я не уступал ему в упрямстве, он достаточно быстро вполне осознанно отказался от проявлений своеволия, что ещё более способствовало обретению им бодрости.

Через несколько месяцев стал он стройнее и немного подрос, глаза начали светиться, а на щеках появился румянец. Он ел с прекрасным аппетитом и спал как убитый. Кто-то даже заметил, что он стал умнее и понятливее, а особенно – послушнее.

Я начал приучать его к регулярным занятиям. Сначала понемногу и только перед обедом, особенно когда было очень жарко на улице. Поскольку его духовные и физические силы значительно окрепли, и прогресс был очевиден, у него у самого возникло желание учиться. Он даже требовал заня-

тий и делал всё очень легко и быстро, чему его родители и родственники очень радовались. А его дедушка как-то заметил мне, что я смог настолько привязать к себе его внука, что легко побуждал его к строгому порядку, усердию и нравственному поведению.

Родители полюбили меня и относились ко мне как к родному брату, а родственники и друзья дома выказывали мне своё уважение и дружбу порой очень трогательным образом.

<...>

Почти четыре года занимался я воспитанием мальчика, потому что когда я через восемнадцать месяцев хотел покинуть Швейцарию, меня самыми щедрыми предложениями удержали еще на два года.

Геркулес всё это время счастливо продвигался вперёд. Следующий его воспитатель совершенно следовал моей системе. Потом наш ученик выделялся своими способностями в военной школе, стал превосходным офицером и до самой смерти пользовался в полку высочайшим почётом и любовью.

Как счастлив я был, видя впоследствии прекрасного человека, выросшего из уже в семь лет совершенно испорченного мальчика. Эта история и мой прежний опыт воспитателя натолкнули меня на мысль о том, сколь многого можно достигнуть, если заниматься воспитанием и образованием ребёнка с колыбели.

Среди братьев и сестер Геркулеса, когда я пришёл к ним в

дом, была ещё сестра примерно на год его старше. Она была хорошенькой, но тоже, естественно, испорченной. Она также впоследствии доставила мне много радости, так как я при всякой возможности урывал хотя бы четверть часа, чтобы позаниматься и с Перпетуей (так её звали).

Она со временем изменилась совершенно во всех отношениях, и успех в её воспитании был ещё более поразительным, чем с Геркулесом.

<...>

Примерно через год после этого в Германии меня попросили заняться воспитанием одного шестнадцатилетнего юноши, и его приемные родители впоследствии были чрезвычайно мне благодарны. Приёмный отец с большим трудом смирился с моим категорическим требованием сменить условия и обстоятельства жизни ребёнка, для чего следовало отправить его в отдалённую школу.

Я вынужден был сказать отцу, что разделяю его чувство по отношению к сыну, однако ошибки воспитания пустили в его сердце такие глубокие корни, что удалить их теперь чрезвычайно трудно, поэтому он нуждается в радикальной перемене всех условий жизни. При этом мой тезис, основанный на всём моём прежнем опыте, был по-прежнему ясен и отчётлив: «Хочешь достигнуть в воспитании чего-то по-настоящему хорошего, начинай воспитывать с колыбели ещё на руках матери. И еще более это справедливо в том случае, если – с Божьей помощью – хочешь достичь чего-то выдающе-

гося, я бы даже сказал, каких-то немислимых высот, создать того, кого у нас называется глупым словом – вундеркинд».

Итак, вся эта история, и весь мой опыт воспитателя являются ответом на вопрос: почему я при таких незначительных данных моего сына надеялся добиться столь многого.

Глава 4. Счастливо ли протекала моя воспитательная работа

Для успеха воспитания Карла необходимо было не только хорошее начало, но и успешное продолжение, в то время как всё окружающее было в основном недоброжелательным; даже власти все эти 10 лет и даже более на меня ополчались.

Когда моему сынишке исполнилось 8 лет, о нём начали говорить, хотя мы жили в деревне Лохау неподалеку от Галле в окружении, которое отнюдь не склонно обращать внимание на какого-то ребёнка. Такие вещи гораздо проще проходят в городах, особенно в крупных.

Кроме того, необычное воспитание Карла пало на тот период, когда Европа была потрясена до основания, а наша родина Пруссия практически уничтожена. Я говорю о периоде 1807-08 годов. У людей были совершенно иные интересы. Ужасные обстоятельства, беспокойства, надежды, необходимость помощи, разочарование – тогда думали только об этом. Времена были такие, что это можно было бы простить.

И достижения ребёнка, соответственно, должны были быть очень значительными, даже, возможно, весьма неординарными, чтобы несмотря на все эти эпохальные события обратить внимание на себя. И на него обратили внимание.

Те времена были неблагоприятными ещё и потому, что в обществе царило сильное предубеждение против раннего

развития. Такие люди, как Зальцман, Кампе, Трапп много лет выступали против него с энтузиазмом и указывали на бесполезность и вред подобной поспешности, заклеив его отдельные примеры «парниковым образованием».

Надо признать, что я, будучи их учеником, разделял их точку зрения в этом вопросе и чувствовал себя виноватым, когда видел, что происходит, когда люди как бы следуют моим взглядам – и что из этого получается.

Первые новости о Карле в публичных газетах (письмо неизвестного в «Гамбургский корреспондент», открывшего публике подробный отчет о частном и публичном экзаменах Карла в Мерзебурге¹⁴) были восприняты как ложь и бессмыслица. Один учёный из Дании вообще отрицал сам факт существования такого ребёнка. Но то, во что казалось невозможно поверить, вскоре подтвердилось, когда очередные публичные экзамены вызвали свидетельства, подписанные такими светилами, как Бек, Мальман, Шутц и другими выдающимися людьми, с которыми вскоре согласились учёные сообщества и университеты. Со всех сторон стали раздаваться голоса поддержки, и вскоре сам факт был принят как данное.

Этот период был весьма неблагоприятен и потому, что война и её последствия потрясли все основы. Пруссия казалась погибшей навеки. Её жители нищали день ото дня, и мы присутствовали при последних днях монархии, поскольку

¹⁴ Город в Земле Саксония-Анхальт.

ку Лохау был со всех сторон окружен саксонцами. Никакой поддержки ниоткуда быть не могло, и я был вынужден покинуть деревню, дабы Карл не останавливался в своем развитии или того хуже не скатился бы вспять.

На Пруссию рассчитывать было нечего, Франция только тянула, а не давала денег, а Саксония вообще ничего не принимала, и я мог оказаться просто в физической нищете, несмотря на то, что у меня был приход и сбережения, и я с семьей жил в относительном благополучии. И всё же воспитание моего сына всё ещё находилось под угрозой. Огромное количество людей опасалось печальных последствий в его отношении. «В свои десять-двенадцать лет бедное дитя умрёт или зачахнет!» – частенько слышал я, и люди говорили это искренне.

Мы переехали в Лейпциг, где сам город и Университет предложили нам приличное жильё, а сыну – отличную стипендию, после чего я смог оставить приход. Разумеется, каждый нормальный человек понимает, что это достижение стоило Карлу многочисленных труднейших экзаменов и коварных проверок.

Так же поступало и правительство Французской Вестфалии. Оно без конца экзаменовало моего сына, причем, с большими подозрениями. Правда, дело кончилось тем, что мне предложили крупную денежную поддержку, регулярно выплачиваемую, даже несмотря на то, что русские сожгли Кассель.

Когда Вестфалия пала, мои покровители и друзья позаботились обо мне и сыне, поскольку Пруссия, моя родина, в течение семи лет методически обкрадываемая и нищавшая, находилась в самом эпицентре сомнительной войны, а Ганновер, Брунsvик и Гессе поспешили заявить, что никакой иностранец не имеет права требовать у них убежища, несмотря на просьбы Вестфалии. И все-таки все три государства заплатили мне необходимые суммы, в которых нуждались и сами, поскольку уверились, что они пойдут на благое дело.

Многие пруссаки из высших классов предлагали мне обратиться к самому монарху. Но времена были столь неблагоприятные, что я долго не решался на этот шаг. Наконец, понуждаемый со всех сторон, я тщательно изучил ситуацию, рискнул – и получил ободряющий и милостивый ответ. Воистину, после тщательной проверки со стороны двора я получил даже больше того, на что рассчитывал. И последние два года мы с сыном провели в Берлине при явных доказательствах благосклонности короля и осыпавшие его милостями.

Таким образом воспитание Карла поддерживалось без перерыва в течение десяти лет с помощью учёных, государственных деятелей, даже монархов, и просто обычных добрых людей. Я получал множество поздравлений даже от незнакомых людей из многих стран Европы, все они выражали мне поддержку, признательность, наилучшие пожела-

ния, уважение и глубокую симпатию, подтверждавшие, что моё предприятие увенчивается успехом. Благородство людей увенчалось победой – однако глаза, уши, чувства и сознание должны были грубо обмануться.

Глава 5. Окончено ли воспитание моего сына

В том смысле, в каком я предполагал – да. Я долгое время не соглашался с теми, кто утверждал, что оно закончено, но теперь вынужден с ними согласиться. Когда Карлу было 11, некоторые профессора из Геттингена считали, что мне больше нет необходимости сопровождать его на лекции, что он ведет себя идеально, внимателен, записывает всё, что нужно, и поэтому я зря волнуюсь и трачу время. Тем не менее, я все-таки продолжал сопровождать его, сам приготавливая всё к лекциям и затем обсуждая их с ним. Позже, сначала в Геттингене, а затем в Гейдельберге, я прекратил это, но подготовка к полной самостоятельности моего сына была очень медленной и неустанной.

Лишь после того как он заявил себя совершенно самостоятельным в нескольких очень серьезных делах, вызвав тем самым уважение и одобрение, после того как он заслужил уважение, которое обычно оказывают настоящим учёным, после того как король и его министры сочли его достойным совершить двухлетнее научное путешествие за счет государства, и только когда ему исполнилось 16 и он смог полностью сам позаботиться о себе – лишь тогда я посчитал свое воспитание законченным и смог заняться собственным здоровьем. Тем не менее, никогда не надо ни в чем торопиться, и я

написал письмо королю, что по приводимым в письме причинам хотел бы, чтобы мой сын ещё один год оставался со мной, дабы у него была возможность подготовиться самым тщательным образом к той миссии, которая ему уготована, и начать подлинно интеллектуальную жизнь. И монарх дал такое разрешение, что говорит о его уме и благородном сердце. И только после этого с одобрения своих друзей я оставил дом и даже город, в котором продолжал жить мой сын.

Я был вдалеке от сына в течение семнадцати месяцев, и видел только раз в Вене после его путешествия по швейцарской Италии.

Не желая ввергать его в суетность мира, пока он ещё слишком юн, и не желая сделать его переход от жизни с родными к полной независимости жизни среди чужих людей слишком резким, я поначалу оставил его с матерью и в кругу благородных друзей и подруг разных возрастов и, по счастью, разных социальных положений. Также посоветовал сыну в благоприятную пору совершить за мой счет путешествие в Лейпциг, Дрезден с его очаровательными окрестностями, Фрайберг, Хемниц, Наумбург, Йена, Веймар, Эрфурт, Гота, Либенштайн, Айзенах, Кассель, Гёттинген, Брауншвейг, Магдебург, Зальцведель¹⁵ и т. д. Во время этих по-

¹⁵ Здесь любопытный сбой; если все предыдущие города прекрасно и в нужной последовательности укладываются в окрестность, завершающуюся в Берлине, то последние два вносят путаницу; между Брауншвейгом и Зальцведелем находится не Магдебург, а Вольфсбург; в любом случае последовательность движения предполагает после Зальцведеля, а не перед ним.

ездок он должен был ознакомиться со всеми выдающимися произведениями природы и искусства, широко пользоваться библиотеками, а также свести знакомства с выдающимися учёными – короче, подготовиться как следует к своему большому путешествию, а потом через месяцев пять вернуться к материв в Берлин, чтобы вновь приступить к теоретическим занятиям. Он так и сделал, и сделал с большой пользой для себя, и в мае этого года уже готов был к своему большому странствию. Пробыв с ним в Вене два месяца, я попрощался с ним навсегда, и теперь он живет по ту сторону Альп. Ясно, что больше я не могу его поддерживать и охранять. Он живет теперь один под присмотром лишь Господа и собственного разума. И потому я вынужден признать, что его воспитание закончено, во всяком случае, с моей стороны.

Разумеется, то воспитание, которое мы все получаем до самой смерти, те знания, которые мы получаем благодаря обстоятельствам жизни, через наши жертвы, наши знакомства, наше противостояние и жизни, и смерти – это воспитание не заканчивается да и не может закончиться никогда.

Когда я через 17 месяцев навеситил его, Карл был физически и духовно здоров, радостен и весел. Работал он всегда легко и с удовольствием, редко болел и счастливо миновал все болезни детского возраста, кроме оспы, поскольку, несмотря на то, что мы неоднократно водили его на прививку (она была очень доброкачественная), нам по разным причинам так и не удалось её сделать.

Глава 6. Каждый нормальный ребёнок может стать выдающимся человеком, если его воспитывать должным образом

Это и есть то самое положение, которое я отстаивал в большой магдебургской компании перед рождением сына, многократно повторял потом и продолжаю отстаивать до сих пор. Оно презирается доктором Меркелем и его так называемыми последователями; они полагают, что я утаиваю начало этой фразы, которое должно звучать следующим образом: «совершенно здоровый и талантливо одаренный ребёнок».

Но по счастью это легко опровергается, поскольку, начиная с восьмилетнего возраста моего сына, огромное число людей постоянно требовало от меня признания, что Карл родился с совершенно экстраординарными душевными и телесными задатками, и я это всегда отвергал.

И я отношусь к требованию Меркеля и его приспешников как достойный Понтано: *Excellentium virorum est, improbum negligere contumeliam, a quibus etiam laudari turpe est.*¹⁶ До-

¹⁶ Джованни Понтано (1429-1503) – итальянский гуманист, глава Неаполитанской Академии, был также премьер-министром и воспитателем королевских детей. В 1492 г. основал в Неаполе капеллу Святого Иоанна Евангелиста, на фасаде которой вывешены доски с 12-ю латинскими изречениями. Здесь приводится

стойным мужам свойственно презирать поношения бесчестных людей, поскольку те и похвалой злоупотребляют.

Это просто смешно, обвинять меня в гордости или тщеславии на том основании, будто я злонамеренно скрыл то, что мой сын обладал врожденными экстраординарными телесными и душевными задатками и затем (согласно их природе) был воспитан; ведь многие мои противники зло язвят, что я – со всеми своими друзьями и знакомыми, когда Карлу было от двух до шести лет – уверял, что он явился на свет с очень посредственными задатками (во всех отношениях). Я это могу понять только так, что я оклеветан всё хорошо понимающими людьми. Я говорю: чёрное, они из злобы доказывают: белое! А скажу я: белое! Так они уверяют: чёрное! «О, простодушные и любезные софисты». –

А потому беззаботно скажу о них и их ядовитых словах лишь то, что я вот уже двадцать пять лет ежегодно повторяю и что стало моим внутренним убеждением:

Каждый нормальный ребёнок, о чем и говорил Гельвеций, может стать выдающимся человеком, если его воспитывать должным образом.

Я прекрасно понимаю, что настроечные ключи к роялю, у которого нет струн, подобрать невозможно, вне зависимости от таланта настройщика. Знаю я и то, что специалист может

одно из них: «Excellentium virorum est improborum negligere contumeliam a quibus etiam laudari turpe» – «Благородный муж оставляет без внимания оскорбление нечестивого, ведь от него и похвала дурна».

запросто убрать все диссонансы и извлечь вполне приличную мелодию из инструмента, который до того звучал ужасно. Обычный инструмент может и не обладать идеальным звучанием, отличающим выдающиеся, но если первый правильно настроен, а второй не будет находиться под постоянным наблюдением мастера, то играть на первом будет значительно приятнее.

Поговорим без шуток. Если у ребёнка есть пороки тела или сознания, то даже для самого великого воспитателя на земле будет невозможным развить то, чего нет. Но если у ребёнка всё в порядке, хотя что-то развито хуже или что-то не в идеальном состоянии, или работает не в полную меру, неважно, касается это тела или души – ясно видящий воспитатель – правда, только именно такой! – способен постепенно преодолеть эти сложности или, наконец, просто добиться результатов.

Такой воспитатель будет способен посредством очень тщательных занятий поднять ребёнка средних способностей до уровня, которым обладают одаренные дети, воспитываемые беспечно и неправильным образом, а часто и выше его. Тут я должен сказать правду – дети средних способностей, воспитываемые с любовью, разумностью, вниманием и ревностью опытным и предусмотрительным воспитателем, могут занять в человеческом сообществе гораздо более высокие позиции, чем одаренное дитя, попавшее в руки беспечного, дурно образованного и неопытного воспитателя. С дру-

гой стороны, должно быть очевидно, что последние могут и должны подняться выше, если воспитываемы столь же мудро и тщательно, как первые. Также ясно и то, что последнего очень часто не происходит в нашем несовершенном мире да и не может произойти при существующих обстоятельствах. Таким образом ясно, что масса одаренных детей пропадает, отходит на задний план в то время как средне одаренные дети при благоприятных обстоятельствах поднимаются к вершинам, доступным редкому смертному.

Чем может стать одаренный ребёнок при совершенном образовании и воспитании и при самых благоприятных обстоятельствах, я полагаю, мы себе и вовсе не можем представить, ибо известные нам гении, как Александр Македонский, Цезарь, Карл Великий, Генрих, Фридрих и пр. обладали в детстве не только плохими физическими данными, но и дурными наклонностями. Но даже и они сумели приблизиться к идеалу, возможному в нашем несовершенном мире. Я убежден, что исключительно хорошо воспитанный человек станет сильнее, здоровей, красивей, изящней, отважней, щедрей, благородней, храбрей, мудрей, способней, серьезней, чувствительней, современней, чем человек без воспитания – короче, он будет тем человеком, который окажется гораздо ближе к высшей сущности, чем все мы.

Быть может, если бы мы в нашем искусстве воспитания были отброшены лет на сто назад, моё утверждение оказалось бы ложным. Но оно, скорее всего, истинно, ибо пока

вопрос о том, как пробудить спящие в каждом ребёнке способности, остается открытым, как и то, что не так много ещё родителей и воспитателей, которые готовы использовать любую возможность развития ребёнка от колыбели до завершения воспитания. Только тогда, когда это станет общим местом, можно будет утверждать, что отец ребёнка средних способностей не смог дать своему чаду того, что дали отцы одаренных детей.

Но это вопрос не сегодняшнего дня. А сейчас совершенно очевидно, что наш обычный метод воспитания всё ещё далек от понимания того, что каждый человек может дать своему ребёнку, если все свои силы и возможности направит на получение результатов – и совершенно ясно, что пока мы добиваемся немногого.

Но поскольку моё утверждение, в котором я уверен, как в собственном существовании, подвергается нападкам со всех сторон, и только совсем немного людей верно ухватили и поняли его суть, я вынужден думать, что большинство просто неправильно понимает его, в процессе понимания, как это часто бывает, выдвигая массу противоречащих друг другу доводов, которые при ближайшем рассмотрении рассыпаются в прах.

Поэтому я попытаюсь объяснить это подробнее. С этой целью я представлю как можно более буквально один из множества разговоров, которые имел за последние четверть века по этому предмету.

ОН. Ну, друг мой, вы меня не убедили. Из чего это следует, что все люди рождаются с равными способностями? Кто может это подтвердить? Разница между человеческими способностями очевидна!

Я. Очевидна она и для меня. Но вы ошибаетесь в утверждении того, что ваш вывод вытекает из моего утверждения.

ОН. Что? Вы хотите сказать, что мой вывод неверен? Неужели не ясно, что все дети должны иметь равные способности, если каждого из них я могу воспитать выдающимся человеком?

Я. Во-первых, я не говорил, что так сделать можно с каждым ребёнком, поскольку среди них есть и кретины, тоже относящиеся к человеческим существам. И я прекрасно знаю ту разницу, которая существует между ними и теми, кто явился в мир с прекрасными врожденными данными — она колоссальна. И градации между этими двумя полюсами мы сосчитать практически не в силах.

ОН. Вы хотите сказать, что это не ваша идея? Тогда я совершенно вас не понимаю.

Я. Именно так, ибо я говорил о «любом здоровом ребёнке», а это большая разница.

ОН. Я так не считаю — или я вас не понимаю.

Я. В последнем-то всё и дело. Но я попытаюсь говорить как можно более ясно. Я утверждаю, что способности у людей разные, а если мы возьмем их телесное, душевное и умственное состояние по отдельности и в сочетаниях, то ва-

рианты будут вообще неисчислимы. Но для нашей цели мы должны полагать их все-таки исчисляемыми. Таким образом, позвольте предложить градацию, скажем, от одного до ста. Способности выше упоминавшихся кретинотворим возьмем за единицу, в то время как прекрасно одаренный человек будет означать сотню. В таком случае ребенок со средними способностями будет находиться где-то на уровне...

ОН. Пятидесяти. Это понятно. Только что из того?

Я. Скоро услышите. Итак, я утверждаю, что большинство детей приходит в мир со способностями, равными 50, поскольку, что наиболее обычно, то наиболее часто. И потому ваш сын, мой сын и дети ещё бесчисленных отцов будут принадлежать к этому числу.

ОН. Не совсем. Я признаю это в отношении моего сына, но не вашего.

Я. Хорошо. Чтобы угодить вам, я оставлю эту тему. Но продолжим о главном! Подумайте о десяти или двенадцати детях, со способностями в 50 единиц, но в самых различных сочетаниях. Пусть два из них, родившись, затем не получили никакого воспитания, два – минимальное, в городе, где никому нет дела до воспитания детей и все заняты на фабрике; ещё два учились в дурной школе, ещё двое – в школе получше, ещё двое росли в семейном кругу, наконец, ещё двое получили неправильное воспитание дома. И вы тогда легко согласитесь, что если их способности были примерно равными, а воспитание практически ничего не значит, то все

эти дети по окончании воспитания окажутся на одном уровне, несмотря на то, что один из них станет министром, другой учёным, третий купцом, четвертый нищим, а остальные обыкновенными обывателями. Но уверены ли вы в том, что все они будут одинаково совершенны как человеческие существа?

ОН. Естественно, нет. Поскольку один будет образован лучше, другой хуже, третий вообще никак, а потому один вырастет блестящим человеком, другой ординарным, а третий – дурным.

Я. Из моего примера вы видите, сколь многого можно добиться воспитанием. Но давайте посмотрим на ситуацию ещё раз. Останутся ли их природные задатки, которые первоначально были совершенно одинаковы, абсолютно одинаковыми через двадцать лет?

ОН. Что вы имеете в виду?

Я. Я, например, имею в виду то, что будут ли они все в двадцать лет обладать равными физическими данными?

ОН. Да как это возможно? Мы же говорим только о совершенно обыкновенном, о естественном, если можно так выразиться. Ясно, что сын рабочего или крестьянина, как правило, обладает куда большей физической силой, чем сын художника, учёного или министра.

Я. Отлично! Но почему?

ОН. Это-то ясно. Потому что первые три естественным образом развивают свою силу и при их жизни не могут не

развивать её. В случае с тремя другими, их физическая сила тоже развивается, но мало, если и совсем никак, и она остается скрытой, а то и вообще исчезает.

Я. Итак, вы признаете, что сила, скажем так, телесная сила возрастает пропорционально её использованию.

ОН. Конечно! Это как в случае с магнитом: чем сильнее магнит, тем больше – разумеется в рамках того, что он может вынести – к нему притягивается.

Я. Хорошо. Но это моя победа – вы признали, что врожденные силы человека, или иными словами его способности, развиваются только пропорционально тому, насколько их используют и развивают воспитатели.

ОН. Кто станет это отрицать? Но как это работает против меня?

Я. Это не против вас, это просто значительно помогает мне в доказательстве моего убеждения, поскольку из этого следует, что единственное, чего нужно добиваться – это постоянное и тщательное воспитание человека от колыбели, дабы развить его природные способности и вырастить человека, который станет много выше других, хотя и обладавших такими же врожденными задатками.

ОН. Вы ошибаетесь. Это только возможное развитие событий, и никаких выводов нельзя сделать только из того, что что-то возможно.

Я. Прошу прощения, но ошибаетесь вы, поскольку пока мы вообще не говорим о реальности. Пока что мы признали

только возможность, и это все, чего я добивался.

ОН. Друг мой. Кажется, вы намерены опутать меня невидимыми сетями, чтобы потом воскликнуть: «Поймал!» Но этого не произойдет! Если в вашем утверждении действительно содержится истина, то вы должны открыто предъявить её мне.

Я. Я старался поступать так всё это время и собираюсь продолжить в том же духе. И вот доказательство. Мы начали с вашего отрицания того, что из любого здорового ребёнка с самыми ординарными задатками можно вырастить выдающегося человека, если его правильно воспитывать.

ОН. Всё верно, я и сейчас это отрицаю.

Я. Но мы с вами уже пришли к соглашению, что люди приходят в мир с разными задатками тела, ума и сердца; что высокоодарённых или слишком убогих всё-таки меньшинство, в то время как большинство составляют дети средние. Мы создали шкалу от единицы до сотни, посчитав за единицу кретина и за сотню – высокоодаренного при рождении младенца. Среднего же приняли за 50. И вы любезно согласились со мной, что среди детей последней группы, благодаря разнице их взращивания тоже является огромная масса разновидностей – в зависимости от выделяемого им внимания. И что некоторые задатки в результате совершенно затухают, если не используются и не развиваются, а то и подавляются. Я верно говорю?

ОН. Да-да! Но что же из этого следует?

Я. То, что я вывожу из этого следующее: всё, что необходимо – это постоянно и с большим тщанием взращивать природные силы ребёнка, или его способности, чтобы из него вырос выдающийся человек.

ОН. Отлично! Я согласен, что со временем этот ребёнок станет выше, чем тот, кто родился с такими же задатками, но потом получил дурное воспитание. Но как это работает против меня? Я вполне могу утверждать, что из описываемых вами десятерых детей пять получают отличное образование, и вы не будете отрицать, что это возможно?

Я. Нет. Я могу это отрицать, ибо получить хорошее воспитание редкость и для одного. Но хорошо, я дарю вам этот довод, имея в виду под хорошим воспитанием ваше его понимание. Но я-то имею в виду под хорошим воспитанием нечто иное. Я под этим понятием подразумеваю и отличное образование и воспитание отца, а ещё лучше – обоих родителей, которые обладают здоровьем, знаниями, временем и опытом, которые способны создать правильный процесс воспитания. Кроме того, родители должны обладать внутренней склонностью и железной волей в стремлении по-настоящему хорошо воспитать своё дитя и тщательно выбирать свою работу, круг друзей и даже слуг. Ребёнок должен мочь и хотеть жить то как отшельник, то как путешественник, то в провинции, то в другой стране, то в университете, то в столице. И только тогда он может считаться хорошо образованным в том смысле, как я это понимаю, и только тогда у воспитателя

будет инструмент, чтобы развить все его задатки до самых вершин.

Моим идеалом была способность меняться в любой момент в зависимости от обстоятельств, и я благодарен провидению, что мне была дана такая возможность для достижения своей цели. И я бы хотел ради воспитания сына, чтобы все эти изменения происходили гораздо быстрее, но это увы превосходит мои способности и возможности...

ОН. Отлично! Но разве это возможно?

Я. Конечно, невозможно, как вы сами понимаете. Но если бы ребёнок воспитывался в таких условиях, то стало бы совершенно очевидно, что он быстро стал бы неизмеримо выше тех, у кого были с ним изначально равные задатки.

ОН. Конечно, если б я мог признать, что существует такой мудрый, образованный, добросердечный отец с железной волей и грандиозными возможностями, я признал бы, что вы правы. И такое воспитание тотчас подняло бы ребёнка выше других. Но этим вы мало чего достигаете, ибо ваше утверждение предполагает гораздо большее. В соответствии с ним воспитуемый ребёнок неизбежно окажется ниже тех, кто родился с задатками уровня 60, 70, 80 и 90. Как вы понимаете, вашего сына я беру за 100.

Я. Не надо этого делать! Я принял бы ваше утверждение, будь оно правдой, но скоро вы сами увидите, как оно далеко от правды. Я говорю: Каждый ребёнок средних способностей может стать выдающимся человеком, если будет правильно

воспитываем. А выдающийся человек — это ни первый, ни второй и не третий человек в королевстве! Конечно, кто-то из них может наслаждаться своим превосходством над тысячами, многие даже хотят этого, но дети со способностями 80, 85, 90, 95 и 100 так же редки, как благодаря небесам редки те, у кого уровень способностей 20 и ниже вплоть до одного. Особенно задумайтесь над тем, что множество детей с прекрасными способностями рождается и живет при таких обстоятельствах, какие делают их способности не только бесполезными, но и вредными для них.

ОН. Как так?

Я. Блестящие умственные способности запросто могут скорее навредить, чем помочь ребёнку нищего, бедняка или поденного рабочего. В их несчастных условиях они имеют малый шанс правильно развиваться, и постепенно уходят на другой путь, как уходит зерно, над которым лежит камень. И эта тропа, как правило, тропа дурная. И чем выше умственные способности такого человека, тем больше за него следует опасаться. Ибо то, что при других обстоятельствах облагораживает землю и возвышает трон, запросто превращается в хитрую расчетливость, коварство и подлость. И это происходит тем неизбежней, чем выше умственные способности и быстрее ум, ибо в человеке отсутствует и религиозное и моральное воспитание. Он не приучен ни к мудрому смирению, ни к подчинению Богу, ни к свободному волеизъявлению человека. И чем сильнее его ум, тем неизбежней он ста-

нет пытаться сокрушить существующие обстоятельства, что приведет его к лаврам и звездам, а закончится виселицей и дыбой. Поэтому дети с блестящими способностями, но рожденные в указанных обстоятельствах в расчет просто не принимаются, ибо они не превзойдут человека, родившегося со способностями в 50, но хорошо воспитанного.

Теперь давайте поднимемся в высшие круги общества. Там исключений ещё больше. Не правда ли, кажется, что дети высших классов могли бы быть отлично воспитаны, но так ли это на самом деле? Хотел бы ответить утвердительно, но... Да, у них существует гораздо больше возможностей делать всё то, о чем я говорил выше, я имею в виду возможности видеть и слышать много интересного, следить за здоровьем, общаться с выдающимися людьми и вообще делать всё то, что так или иначе развивает ум. А если же и родители их обладают прекрасным воспитанием и прилагают его правильно к воспитанию своего потомства, то у этих детей, конечно, есть много шансов стать лучшими. Хорошо, если у такого богатого и образованного, но не имеющего желания или возможностей самому заниматься сыном отца хватит ума поручить его воспитание человеку из среднего класса, который и станет ребёнку отцом в высшем смысле слова. Если он сумеет найти такого воспитателя – пусть он тратит на него то, что мог бы потратить на себя, дорого это не встанет. При этом хорошо бы, чтобы отношения воспитателя с отцом были на равных, а воспитатель честно выполнял

свои обязанности. Если способности ребёнка блестящи, тем лучше. Если средние, то воспитатель нужен тем более. Если они низкие, то воспитатель просто необходим. Но как часто я вижу, как всё происходит совершенно по-другому!

При поисках воспитателя почти никто не спрашивает, какой из них лучше, заменяя вопросом, какой дешевле. Или в том же духе: хорошие ли у него манеры, откуда он прибыл и к какому классу принадлежит. Одни всячески ограничивают его свободу, другие забывают про уважение и дружбу, которые обязаны быть у родителя и воспитателя – и всем этим безнадежно вредят ребёнку.

А где те семьи высших классов, которые не готовы пожертвовать ради воспитания ребёнка своими связями, предпочтениями, комфортом, предубеждениями, чувственными наслаждениями – всем, что так или иначе проявляется в жизни – ради того, чтобы это не влияло на их ребёнка? Разве не развращено большинство этих детей ещё до вступления их в юность? И когда родители оставляют им в наследство дурную кровь, разве не становятся они слабосильными бледными домашними куклами, которых первый же порыв северного ветра валит наземь, несмотря на то, что они могли бы обладать здоровьем Геракла и разумом Аполлона?

Увы, мы практически не встречаем в высших классах таких юношей, несмотря на то, что они должны были бы там быть. И расти с каждым годом умственно, поскольку имеют возможность каждый день видеть, слышать и испытывать

что-то новое, полезное, тренировать свой мозг, используя его на благие дела, возможность которых тоже постоянно им предоставлена.

И подумав немного, вы, друг мой, решите, что я боюсь больше этой стороны, но тут бояться нечего. В высших классах не так много юношей и даже детей, которые обладают выдающимися способностями тела, ума или сердца. Или вы со мной не согласны?

ОН. К несчастью, согласен. Но какое отношение это имеет к нашему обсуждению?

Я. Это только доказывает, что ребёнок со средними способностями, но с должным воспитанием со временем встанет выше ребёнка высших классов, даже родившегося с данными 80 и 90.

ОН. Это весьма печально, но возразить мне вам нечего.

Я. Таким образом, у нас остаются только нормальные дети среднего класса. И поскольку этот класс есть соль нации, то на нём я остановлюсь немного подробнее. Именно дети из этого класса могут достичь самых вершин. Но и здесь имеют место те вещи, о которых я уже говорил: искусство воспитания давно ушло далеко вперед. Я часто удивляюсь, как возможно, чтобы разумные родители действовали столь неправильно – и все-таки это случается на каждом шагу. Я всегда говорю им это, но меня не слушают, или слушают и даже понимают, но действуют всё равно по-своему.

До тех пор, пока родители любят одного ребёнка больше,

чем другого, пока их любовь более чувствительная, чем разумная, более животная, чем человеческая, пока их деньги или честолюбие преобладают над желанием воспитания, пока наслаждения и общественное положение для них дороже, чем их дети — до тех пор они никогда не преуспеют в воспитании при всех способностях ребёнка, и до тех пор тот, кто больше обделен природой, но правильно воспитываем, несомненно, поднимется над теми, кто обладал даже гораздо более блестящими данными.

Добавьте к этому, что живой ум угасает гораздо быстрее инертного, и возвращается к прежнему состоянию гораздо труднее, и тогда вы поймете, почему хорошо воспитываемому хорошему учителем ребёнку гораздо труднее перенести смену воспитателя.

ОН. Конечно. Но вы должны признать и то, что личность с большими возможностями и получит больше от равного воспитания.

Я. Несомненно!

ОН. Ну, и насколько же далеко он может продвинуться?

Я. До той степени совершенства, которая нам пока неизвестна. Например, то, что требует от нас долгих и сложных расчетов, он будет прозревать в момент, или то, что для нас считается тяжким трудом, будет для него просто приятной игрой. И ничего, кроме ограничений человеческой природы, не будет ему ограничением.

ОН. И вы верите, что человек может быть образован на-

столько?!

Я. Почему же нет? Не веря в это, я отрицал бы мудрость и милость Бога. Я не только в это верю, но совершенно убежден в этом!

ОН. Хорошо. А я не верю, ибо это повлекло бы за собой массу несчастий.

Я. Несчастий? Каких же?

ОН. Много, очень много несчастий, как в высших, так и в низших кругах общества.

Я. Вы меня заинтриговали, ибо я ничего подобного не вижу.

ОН. Я удивлен. Ибо это совершенно очевидно.

Я. Тогда прошу вас разъяснить мне это.

ОН. С удовольствием. Вы утверждаете, что могут существовать люди, которые будут практически ангелами, которые везде будут видеть истину без всяких предубеждений, которые будут поступать везде только во имя истины, красоты, добра, чувства, разумности, в соответствии со своими обязанностями и так далее, и они любую нашу тяжелую работу будут считать за игру. И вы полагаете такое возможным, не так ли?

Я. Очень даже возможным. Воистину, я надеюсь, что через сотню лет таких людей будет много, если воспитание и мировое развитие будут двигаться в правильном направлении.

ОН. Тогда остаётся только пожалеть бедное человечество,

ибо мы вынуждены будем пройти ещё через одну революцию.

Я. Почему?

ОН. Ясно же, почему. Появятся люди – я следую вашей идее – которые встанут неизмеримо выше остальных...

Я. Тут я должен вас прервать. Не настолько выше! Не больше, чем нынешние люди с отличным воспитанием превышают людей обыкновенных. Не надо забывать, что я добавил к слову «воспитание» слова «мировое развитие» и условие правильного направления! Если так, то всё останется в равновесии. Люди хорошо воспитанные, конечно, будут стоять выше других, как и сейчас, но и всё человечество также поднимется в развитии и станет таким, какими сейчас являются люди отлично образованные и воспитанные.

ОН. Это несколько смягчает мои возражения, но не убирает их полностью. В любом случае эти люди будут стоять очень высоко и попытаются поднимать человечество до себя. Иными словами, они пожелают изменить (возвысить) понятия справедливости, истины, красоты, добра, разума, равенства, обязанностей – и если им будут противоречить, то неизбежна революция. Или мир превратится в сумасшедший дом.

Я. Или же всё останется так, как сейчас – и как было со времён сотворения мира. Экстраординарные люди сотрясали мир уже далеко не один раз. Но если мы верим в Провидение, то должны предположить, что всё это происходи-

ло для человечества только к лучшему. Кроме того, не забывайте, что любые способности развиваются постепенно, а раз так, то и сердца этих выдающихся людей будут полны мягкости, доброты и терпения, а любовь и сострадание к своим согражданам смягчат жесткость их желаний и действий.

ОН. Но если этого не произойдет?

Я. Если вы исходите из нашего предположения, что при правильном воспитании все способности развиваются абсолютно равномерно, ваши возражения меня не убеждают. Пусть они имеют право на существование, но меня они не трогают.

ОН. Неужели?

Я. Абсолютно. Вы же признаёте, что острый нож может быть использован и для добра и для зла, им можно есть, а можно и убивать. Не так ли? И неужто в зависимости от этого я должен не уважать и не ценить мастера, сделавшего этот нож?

ОН. Конечно, нет.

Я. Моему сыну разрешалось выпивать вина во время долгих прогулок или во время тяжелых упражнений. Я почти заставлял его делать это, хотя обычно он вино не пьет. Давайте же представим такую печальную ситуацию, что он стал пьяницей, и это ослабило его ум и здоровье. Буду ли я виноват в том, что заставлял его пить вино в качестве лекарства?

ОН. Конечно нет!

Я. Искусства, живопись, открытие книгопечатания, поро-

ха, Америки и так далее – все эти открытия, помимо несомненного добра, принесли и немало зла – неужели поэтому их надо ненавидеть или презирать?

ОН. Нет, нет!

Я. Будем ли мы следовать и теперь примеру своих матерей и отцов 30 и 40-летней давности, когда они не позволяли своим дочерям учиться писать, дабы те не вздумали строчить любовные цидульки, которые завлекли бы их в сети ловласов и развратников?

ОН. Боже упаси!

Я. Хорошо, тогда поговорим о более серьёзном. Должны ли мы желать, чтобы не существовало ни Вашингтона, ни Франклина, поскольку именно они затеяли революцию, которая подняла Северную Америку столь высоко и поднимает её всё выше? Но это совершенно ложная позиция!

ОН. О, я вас понимаю, и вы правы. Небеса даруют нам подобные эксперименты, результаты которых могли и должны были произойти!

Я. Надеюсь, что это так, ибо человечество развивается все-таки по направлению к лучшему. Я могу рассматривать только последние сорок лет, но и в это сорокалетие, как вы сами знаете, история проходила рядом с нами по меньшей мере четыреста раз. Я жил, видя могучие перевороты, и много раз страдал от них, и все-таки я полагаю, что наше время гораздо более предпочтительнее, чем былые времена. Как человек в годах я вижу все предрассудки дней минувших;

как человек опытный – знаю все беды, которые бродят по нашей земле – и все-таки благодарю судьбу, позволившую мне жить именно сейчас, когда себе пролагают широкий путь истина и разум. Стали явлены права человечества, хотя пока они ещё и попираются злом. Классы, когда-то попираемые законами и вождями и унижаемые, стоят ныне в полный рост, ибо этого требует современное общество!

ОН. Истина! Правда и истина! Но этот поворот нашей беседы уводит нас в совершенно другую сторону! Как вы справитесь с этим?

Я. С удовольствием. Только позвольте мне спросить вас сначала, откуда взялись все эти блестящие достижения наших дней – от плохих или от хороших людей?

ОН. На что вы намекаете этим вопросом?

Я. Давайте просто для начала сосредоточимся на том, что я сказал. И я снова спрашиваю вас: все эти признанные результаты являются следствием работы хорошо воспитанных людей или воспитанных плохо? Напоминаю, что под воспитанием я подразумеваю всё: время, место, обстоятельства, вмешательства, случайности, происшествия, занятия и пр.

ОН. Теперь я вас понял. Думаю, что все-таки это случилось, благодаря людям хорошо воспитанным. Ибо не собираюсь выставить аргументом против – чудовищ французской революции.

Я. А вы этого и не сможете сделать, если не станете закрывать глаза на правду и справедливость. Эти чудовищ-

ные исключения породили и вынянчили только высокомерие, упрямство и слабость противоположной партии. Как только они пришли к власти, они стали сокращать самых мудрых и лучших людей, ибо именно они противостояли их жестокости и бессмысленности. Не забывайте, что если когда-то и где-то речь заходит о драконах, то всегда в качестве места их порождения и проживания упоминаются болото и пещера. Уничтожьте две этих составляющих в первую очередь, и тогда злобный дракон не появится вообще! И исчезнет порождаемое им зло, ибо ему неоткуда будет являться.

ОН. Я понимаю, и вы правы. Но вернемся всё-таки к нашей теме. Желая вам снова опровергнуть меня.

Я. Пятнадцать минут назад вы говорили совсем не так. Но я весь внимание!

ОН. Вы утверждаете, что должны прийти и придут времена, когда люди в своем развитии поднимутся практически до состояния высших существ и вся человеческая раса, по крайней мере, целые нации достигнут высочайшего уровня культуры.

Я. Именно так. Я надеюсь на это как человек. Я верю в это как человек опыта. И я убежден в этом, ибо я существо разумное и верящее во всемогущество, премудрость и милосердие Бога.

ОН. Отлично! Не стану этого отрицать, это прекрасная, возвышенная идея. Но откуда же тогда мы станем брать наших рабочих пчел? Ведь тогда рабочие пчелы современно-

сти — люди низших слоев общества — поднимутся столь высоко, что вряд ли захотят работать.

Я. Вы ошибаетесь, друг мой! Этого никогда не случится в обществе, прекрасно воспитанном снизу доверху, а не в том, одностороннем, которое мы почему-то зовем просвещенным. В том обществе, о котором говорю я, все способности людей будут развиваться равномерно, последовательно, учитывая развитие сердца, склонностей, доброй воли, морали и религиозного чувства. Самого высшего совершенства достигнут добродетель и страх перед Богом, равно как и любовь к людям, собственные обязанности перед ними и Господом. Постепенно человек научится любить свои обязанности, уважать требования других и с радостью станет исполнять свой труд.

ОН. Дорогой друг! В этом я вам не верю! Неужели вы хотите сказать, что прекрасно воспитанный человек добровольно захочет копать, пахать, косить, жать, молотить и заниматься тому подобным? Да никогда!

Я. Вы ошибаетесь. Разве вы не знаете, что есть, например, пастухи, которые относятся к своей работе с любовью и ответственностью и в этом они стоят гораздо выше, чем многие министры, генералы или князья.

ОН. Хотел бы я посмотреть на таких пастухов.

Я. Одного вы точно знаете. Почитайте о Давиде Клаусе, пастухе из Хальберштадта, чья жизнь описана Советником консистории Страйтхорстом.

К такому типу крестьянина принадлежит и Кляйнджогг, и я лично знал немало поденщиков и рабочих, которые поднимались над своим уровнем жизни и все-таки очень любили свою работу и исполняли её с радостью. Да так и должно быть, если человек правильно воспитан. Таковы сельский священник и сельский учитель, честно исполняющие свои обязанности. Они вынуждены иметь массу проблем, проделывать кучу механической работы, сталкиваться с огромным количеством неприятностей. А священник вынужден порой даже защищать свое здоровье и жизнь! Я знал множество таких людей, исполнявших свой труд во имя Господа с огромной радостью. Понимаете вы меня? Ради Господа, который правит и нашими жизнями, и всем миром, и ради него они готовы были возделывать хотя бы крошечный кусочек универсума.

Так что подлинной культуры опасаться не стоит, в ней нет опасности.

Рабочие пчелы по-прежнему будут летать вокруг цветов и собирать необходимый всем мёд и строить свои восковые дома. И будут находить удовольствие и гордость в том, чтобы исполнять обязанности по отношению к себе и обществу. А если этого не случится, то в основе нашего Просвещения лежит ложь.

Но даже если представить, что некоторые из них поднимутся в высшие классы и сменят пастуший кнут на перо, а плуг на кисть художника – что из того?

ОН. Этого вопроса я и ждал! И говорю, что это принесет вред, ибо скоро у нас не останется людей для физического труда. Не станет рук, чтобы производить всё необходимое для поддержания человеческой жизни. И таким образом мы останемся голодными, жаждущими и замерзающими, ибо низшие классы станут слишком образованными, слишком рафинированными, слишком изнеженными и слишком облагороженными, чтобы копаться в земле.

Я. Спокойней, мой друг! Всегда будет множество тех, которые просто захотят остаться рабочими пчелами. Я уверен в этом благодаря наличию огромного разброса врожденных задатков, который останется неизменным до конца мира. А также благодаря негармоничности человеческой расы, её врожденной склонности к лени, её тенденции к тому, что проще всего, а ещё – благодаря нашей всеобщей любви к двигательной активности на природе. Охота и рыболовство, не важно, на какой низкой шкале труда они стоят и будут стоять, всегда исполняются не только с любовью, но и со страстью, даже сейчас и даже людьми самых высших классов. Не боюсь я и за валку леса и копку земли – за два занятия, которыми занимаются и самые образованные люди, чтобы спастись от ипохондрии. Сюда относятся и косьба, и молотьба, и пахота. Всегда будут находиться люди, которым нравится этим заниматься. Я боюсь скорее того, что с развитием образования у нас будет слишком много незанятых рук, безработных.

ОН. Какой вы странный! Мне казалось, что это никак не следует из того, что вы только что говорили.

Я. Не напрямую, а опосредованно. Мы знаем, что и сейчас есть страны, в которых слишком много безработных, поскольку развитая культура заставляет работать пар, огонь и воду.

ОН. Так вы об Англии!

Я. Именно. И ещё о многих местах. Только вчера я был на фабрике, где крошечная паровая машина выполняет работу трёх или четырёх сотен рабочих и делает это куда лучше них. А теперь там ставится ещё одна побольше, которая оставит без работы ещё тысячу человек. И кто знает, может быть, через сто пятьдесят лет мы будем делать всё и даже путешествовать только силами механики.

ОН. Вы даёте мне в руки оружие своими словами, поскольку я справедливо спрошу вас: и чем же мы займем эти тысячи рук, миллионы, ибо наука развивается, жизнь улучшается, и человеческая раса увеличивается постоянно? Вот хотя бы прививка от оспы спасает тысячи и тысячи, которые раньше умирали.

Я. Мой дорогой друг, это уж забота не ваша, а Господа. Ежели он дает нам возможность и желание развиваться всё выше и выше, то делать это — наша обязанность. Сто лет назад люди решили, что невозможно быть счастливыми при тех обстоятельствах, в которых они жили и изменили свою жизнь, так что нам нечего без толку волноваться о том, что

может случиться в следующие 150 лет. Но мы станем поступать неразумно и безбожно, и во вред себе, если будем отказываться от того, что лучше или не будем помогать наступлению лучшего только из-за того, что своим коротким умом якобы видим впереди какие-то трудности. Мой друг, пройдет ещё немало времени, прежде чем все страны Европы будут, фигурально выражаясь, вспаханы и засеяны, и ещё больше времени это займет у стран Азии, Африки и Америки. На данный момент люди по своей лени, предубеждениям и глупой любви к насиженному месту, где они родились, не хотят перебираться в другие страны. Но со временем Просвещение вынудит их обратить внимание на отдаленные районы мира, и вся земля станет цветущим садом божьим, где повсюду будут видимы плоды человеческого труда, не важно – умственного или физического.

Масса уроженцев Франции сейчас живет в Америке, и туда их двинул не случай – в этом я уверен – а сама судьба. Кто знает, как отразится эта эмиграция через несколько сотен лет? Разве не сделал Ришелье доброго дела на Чёрном море – как для России, так и для всего человечества? Два года назад в Россию переселилось большое количество швейцарцев – и они будут жить гораздо более комфортно там, чем здесь, не говоря уже о том, что принесут новой родине огромную пользу.

ОН. Но когда в один прекрасный день земля будет переполнена людьми, что станет тогда?

Я. А уж вот это, мой дорогой друг, есть одна из тайн или загадок Господних, которые он хранит для себя, равно как и соотношение женского и мужского полов. Не с нашим нынешним уровнем образования судить об этом.

Глава 7. Хотел ли я сделать из сына юного учёного

Я не хотел воспитать из него не только юного, но и вообще учёного.

Это утверждение абсолютно правдиво, хотя я не удивлюсь, если многим оно покажется странным, если и вообще правдоподобным.

Но позвольте мне рассказать, что я хотел из него сделать, – и тогда станет понятным, каким я не хотел его видеть.

Я хотел воспитать его человеком в самом высшем смысле этого слова. И я делал для этого всё, что было возможно при моих обстоятельствах и средствах. Но в первую очередь я хотел, чтобы он вырос здоровым, сильным, активным и счастливым юношей – и в этом, как уже видно, я преуспел.

Он должен был начать свою зрелость прекрасно подготовленным, должен был развить свои телесные силы по максимуму гармонично, равно как и силы умственные. Я совершенно не хотел воспитывать его специалистом в греческом, или латыни, или математике. Именно поэтому я тут же вмешивался, когда замечал, что какая-то дисциплина или язык начинают сильно интересовать его.

Точно также я поступал и тогда, когда замечал, что какие-то чувства развиваются в нем в ущерб другим.

При помощи жены, я обращал внимание на такие вещи,

которые, увы, чаще всего остаются в забвении – такие, как здравый смысл, сила воображения и деликатность чувств. Любое разумное существо, учтя сказанное мной выше, само поймет, что мы, родители, главное внимание уделяли воспитанию юного сердца. И мы вдвоем с самого его младенчества регулировали его склонности и антипатии в соответствии с законами внешней и внутренней морали, вследствие чего некоторые из этих склонностей и антипатий были подавлены, а некоторые наоборот взлелеяны.

Это скорее напоминало воспитание нынешних детей, чем тогдашних, из которых выросли нынешние учёные. Увы, в большинстве случаев – я не говорю про исключения – они слабы, вялы, более мертвы, как в жизни, так и в обществе, а в последнем ещё и застенчивы и трусливы. С внутренней стороны интересы их простираются едва ли дальше ближайших книг, а с внешней – не шире узкой их специальности. Отсюда сухие и пустые разговоры с любым, кто далек от их темы и недалёковидные суждения о текущих событиях, которые делают их смешными и неприятными в любом изысканном и образованном обществе, в любой стране, неприятными настолько, что появились даже пословицы, вроде: «Он педантичен и неуклюж, как учёный» или «За версту видеть, что это учёный!» А отсюда – сколько смешных историй про незадачливых и недалёких учёных, которыми я мог бы изписать целый том! И любой молодой человек, считающийся остроумным в обществе или как-то выдающимся, благодаря

своим утончённым чувствам, постоянным занятиям, благородному сердцу, прекрасно владеющий языком, изысканно говорящий и пишущий, сразу попадает под подозрение у подобных учёных. Я сам не раз слышал от них суждения, вроде: Этак ничему нельзя научиться! Это что за учение – писать стихи и блистать ими в обществе!

С другой стороны их длинные занудные диссертации с бесконечными периодами, в которых то и дело цитируются классики; или их фразы: он далеко пойдёт, ибо вырос на великих примерах древних!

Славные древние! Как саркастически они посмеялись бы, услышав речи этой моли, этих книжных червей, посмевших сравнить себя с ними, с теми, чья жизнь проходила в постоянном движении, в поступках во благо родины или родного города, в живых беседах на площадях или у городских ворот!

Вспомните, что древние всегда были увлечены вопросами возвышения или падения своего государства, в то время как нынешние так называемые учёные едва ли знают о его существовании!

Вы с трудом поверите, что один из этих высоколобых знатоков смел заявить своим студентам, что латинский и греческий – это единственное, что нужно выучить умному человеку, а все так называемые науки и современные языки суть ни что иное как детские игрушки, которые шутя можно выучить за пятичасовым чаем.

И, наконец, я прошу вспомнить и те не на пустом ме-

сте появившиеся классические выражения, типа «учёная зависть», «учёное зазнайство», «университетские интриги» — и тогда вы поймете, что я совсем не хотел вырастить из сына классического учёного.

Но поскольку наукой ему всё равно пришлось бы заниматься, я делал всё, чтобы из него не выросло некоего подобия университетского учёного. Учёный-скоропелка, теплолюбивое растение, слабый ребёнок — через всё это я прошел сам, «благодаря» моим учителям — или, иными словами, благодаря нынешней системе воспитания. И если бы я повторил это в отношении моего сына, я совершил бы настоящее преступление против Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.